

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ РОМАН

ИРИНА

Ольга и Виктор Нежины

18+

18+

Ольга Нежина

Ирина

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Нежина О.

Ирина / О. Нежина — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Устои строгого воспитания главной героини легко рушатся перед целеустремленным обаянием многоопытного морского офицера... Нечаянные лесбийские утехы, проблемы, порожденные необузданной страстью мужа, и встречи с бывшим однокурсником – записным ловеласом, пробуждают потаенную эротическую сущность Ирины. Сущность эта, то возвышая, то роняя, непростыми путями ведет ее к жизненному успеху. Но слом «советской эпохи» и захлестнувший страну криминал диктуют свои, уже совсем другие условия выживания, которые во всей полноте раскрывают реальную неоднозначность героев романа.

© Нежина О., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

ИРИНА

Аннотация

Устои строгого воспитания главной героини легко рушатся перед целеустремленным обаянием многоопытного морского офицера... Нечаянные лесбийские утехы, проблемы, порожденные необузданной страстью мужа и встречи с бывшим однокурсником – записным ловеласом, пробуждают потаенную эротическую сущность Ирины. Сущность эта, то возвышая, то роняя, непростыми путями ведет ее к жизненному успеху. Но слом «советской эпохи» и, захлестнувший страну криминал, диктуют свои, уже совсем другие условия выживания, которые во всей полноте раскрывают реальную неоднозначность героев романа.

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,

Синь очей утративший во мгле,

И тебя любил я только кстати,

Заодно с другими на земле.

С. А. Есенин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПОРОЧНОСТЬ ГРЕЗ... РЕАЛЬНОСТЬ БЫТИЯ.

Глава 1. Ирина

Пригородные строения проплывали за окном всё реже. Казалось, не поезд, набирая скорость, покидает их, а сами они медленно и неотвратно уходят в прошлое, и с ними уходят проблемы и сложности, сменяясь неясной надеждой...

Вдруг, словно магнитом, меня притянуло к окну: по проселочной дороге с цветастой косынкой в руке шла девушка, и на миг почудилось – это я: то же платье и платочек тот же. Она помахала вслед поезду, исчезая за поворотом – так же, как исчезла та наивная девчонка во мне.

Сколько же вместилось в эти немногие годы? Горького и сладкого... И не сказать, что горького было больше. Отчего же тогда бегу? – задумалась я, мысленно возвращаясь в то лето...

* * *

Наш институтский стройотряд уже не первый год участвовал в строительстве большого сельхозкомплекса, и девчонки, прельщая возможностью хорошего заработка, все-таки уговорили меня поехать с ними. Раньше, напуганная рассказами о свободе отношений с ребятами, я отказывалась, о чем после слегка жалела...

«Никакой постели до замужества быть не должно», – твердо знала я, и была счастлива, что живу дома, а не в общежитии, где иногда происходило такое, что становилось страшновато, хотя сплетни об этих любовных злоключениях слушать могла бесконечно. Избегая безобидных, на первый взгляд, студенческих «веселух», я то и дело слышала в свой адрес: «... а мне мама – целоваться не велит».

Озабоченная будущим двух взрослеющих дочерей, мама о поцелуях ничего не говорила, однако постоянно приводила в пример соседей. Там пьяный Генаха почти каждый выходной гонял по двору свою Таньку – по словам мамы, за то, что вышла за него уже не девушкой.

Может быть, и так – мы слышали об этом в их громких скандалах, только, думаю, дело еще и в другом: несколько раз я видела Татьяну, крадучись выходявшую через садовую калитку дяди Коли. А однажды мы с сестрой случайно наткнулись на этих грешивших любовников в частом подлеске, возле пруда. Красная от стыда, сестра тянула меня в сторону, а я стояла и смотрела, не в силах двинуться с места.

В поварскую бригаду нас набралось шесть девчонок. Машу, за влюбчивость и безотказность, ребята между собой звали: «Маша – радость наша». Мы жалели ее...

А про Нинку рассказывали жуткие страсти. Будто бы прошлым летом в стройотряде за деньги парень предлагал желающим девушку, и даже одновременно нескольким. Все устраивалось так, чтобы лиц никто не видел, и якобы той девушкой была она. Но также говорили, что девица эта – местная.

Высокая, с красивой фигурой, веселая и дружелюбная, Нина своим оптимизмом скрашивала нам сложности деревенского быта.

Наши кровати стояли рядом, и, когда она поздно приходила с гулянья, от нее веяло чем-то терпким и непонятным... Я для себя решила, что это запах секса.

Поплескавшись на веранде в примитивном душе, она укладывалась спать, потягиваясь сладко и устало, а заметив, что я проснулась, улыбалась мне, жмурясь, как сытая кошка.

В один из дней нас вызвали на лекцию по санитарии. Накормив своих работяг, мы направились в контору и остановились в нерешительности перед крыльцом: судя по громким голосам, за дверью сильно ругались.

Вдруг она резко распахнулась... Взбешенный морской офицер четким движением надел фуражку и сбежал с крыльца, полоснув взглядом так, что мы невольно вытянулись в струнку. Через несколько шагов он остановился и, вернувшись, медленно прошел, как перед строем, разглядывая нас, по-прежнему стоявших навытяжку.

– Вольно... Что за цветник? Откуда вы, прелестные создания?

– Из кухни, – осевшим голосом ответила Нина, и все рассмеялись.

Поднимаясь по ступенькам, я оглянулась, неосознанно рассматривая его: подтянутый, среднего роста, русые волосы короткой стрижки, серебрясь на висках, подчеркивали строгую командирскую собранность, но вспыхивающие искрами юмора серые глаза вызывали симпатию и доверие.

– Потрясающий мужчина, наверное, адмирал... – прошептала Маша, сразу влюбившаяся в него.

Лекцию нам читать не стали – выдали какие-то памятки, и мы ушли, обсуждая встречу с «адмиралом».

Вечером Нина доложила, что познакомилась с ним: ему сорок восемь лет, он капитан второго ранга. «Ка-вто-ранг» – по слогам выдала она понравившееся слово. У него здесь дача, и она даже знает, где именно. «Рыбак, которого мы не раз видели выше по реке – это он», – закончила Нина, а на вопрос Галины: «Он женатый?» – с недоумением пожала плечами.

– Какая разница...

Глава 2. «Адмирал»

Мой дачный отпуск был в самом разгаре. Предложение о назначении на высокую должность по тыловому обеспечению я обдумал и решил принять. Проводя многие часы на рыбалке, отдохнул, надышался сельскими просторами и, наверное, от скуки, поскандалил с председате-

лем колхоза. Подняла настроение встретившаяся у конторы стайка девчонок-старшекурсниц: все как на подбор – одна краше другой. По-видимому, и я произвел впечатление... Часа через два рослая раскрасавица постучалась в калитку и вручила мне расческу.

– Извините, пожалуйста, товарищ капитан, мне показалось, что Вы обронили ее, и я подумала: «Может, она дорога вам как память...».

Сказано это было с такой лукавой простотой, что пришлось пригласить ее на чашку чая. К тому же Нина, так звали гостью, сразу приглянулась мне своей статностью, и по ходу беседы было видно, что она не против продолжения знакомства...

Я расспросил ее про подружек, хотя заинтересовала меня лишь одна – скромница с изумленным взглядом и каштановой косой до пояса. Небольшого роста, но такая ладная и приятная, что, когда на ступеньках конторы она задержалась, и ветерок облепил ее легким платицем, трудно было оторвать взгляд от этой соблазнительной прелести.

Попрощавшись, за калиткой Нина обернулась, призывно улыбаясь, словно подсказывала: «А не пора ли пошалить, для полноты жизни...»

К вечеру следующего дня, уставившись на неподвижный поплавок, я обдумывал форсирование амурных дел. Издалека донеслись голоса девчонок, потом всё стихло и вскоре стало слышно, что они, переговариваясь, идут в мою сторону. За несколько метров до куста, под которым я обосновался, они остановились и, раздевшись до купальников, о чем-то заспорили.

Чтобы не испугать их, я подал голос и вышел на поляну. Это были те же девушки, что повстречались мне вчера у конторы. Они не очень-то удивились моему появлению, а хитрый взгляд Нины не оставлял сомнений: компания заявила сюда не случайно.

Нина начала явно заготовленное действие:

– Константин Викторович, разрешите представить Вам прекрасных дам, – она церемонно протянула руку для поцелуя и жестом пригласила остальных последовать ее примеру. Изображая галантного кавалера, я учтиво размахивал потрепанной шляпой и целовал ручки, прищелкивая каблучками разношенных башмаков.

«Прекрасные Дамы» развеселились и, не смущаясь своей полуобнаженности, дефилировали по полянке, боязливо пробуя ножками воду. Перекидываясь с ними шутками, я присел на пенек и залюбовался: каждая была по-своему хороша, а Нина, демонстративно красуясь, держалась поближе ко мне – и там было на что посмотреть и за что подержаться. Думаю, ей, с такой шикарной «кормой», на карнавале в Рио точно светило бы призовое место.

От этих демонстраций я так завелся, что перестал обращать внимание на прелестную Ирочку.

Сбившись в кружок, девушки посовещались, и Нина подошла ко мне.

– Ну и как Вам с нами, Константин Викторович?

– Бесподобно! – воскликнул я и тихо добавил, – а с тобой наедине было бы еще лучше. Придешь сегодня?

– Хорошо, часика через два, – шепнула она и громко объявила. – Мы решили поплескаться без купальников – просим не подглядывать!

Собирая удочки, я шутливо ворчал во весь голос.

– Могли бы не прогонять заслуженного «альбатроса» – скитальца морей! Не всё же ему любоваться зелеными русалками...

5

– Если «альбатрос» будет вести себя хорошо, так и быть, в следующий раз уважим, – состроила глазки симпатичная Маша.

Рассыпавшись в благодарности, я зашагал к дому готовиться к предстоящей встрече.

А готовиться особой нужды не было: несколько лет назад одна хорошая женщина, с большими сексуальными запросами и эротической фантазией, потратив кучу денег, превратила мою просторную гостиную в уютную комнату, задрапированную красивыми гобеленами. Но

стоило раздвинуть драпировку – и комната превращалась в небольшой зал с мерцающими зеркалами и различными приспособлениями для занятий сексом.

Из всего этого мне нравилось лишь большое кресло у камина, способное принимать любые формы, удобные для парочки любовников. Всё остальное не очень-то привлекало, и наши отношения с той женщиной плавно перешли в приятельские...

Как-то, незадолго до выпуска из училища, мы пригласили на дружескую вечеринку в качестве почетного гостя старого «маримана», ведавшего каптеркой. Подвыпив и расчувствовавшись, он произнес тост, и некоторые из нас даже записали его: «Господа будущие офицеры! Вы превзошли многие науки, но всё же вы пока – «щеглы». Потому что есть еще одна наука, трудная и важная, возможно самая важная по жизни – наука любить женщину. И тот, кто освоит ее, будет счастлив, независимо от званий и должностей. Будьте счастливы!».

Несмотря на свой возраст, близкий к «элегантному», я всё еще числил себя курсантом по этой части, но не расстраивался, помня слова классика, что учиться никогда не поздно.

Нина появилась как по волшебству, улыбаясь откровенными глазами. В Одессе про такие говорят – «ляцкие».

– Я отпросилась на завтра – у нас целый день и две ночи... – и прищурилась оценивающе, запросто перейдя на «ты». – Не многовато для тебя?

Предвкушая, как нескучно нам будет, я, для начала, попросил ее полураздеться. Она прекрасно поняла меня: нашла в гардеробной нужные вещи и появилась в блузке, чулках с широкими резинками и сабо на высокой платформе. Больше на ней ничего не было.

Пока она «одевалась», я раздвинул гобелены, и ее отражение в зеркалах, подсвеченное последними лучами солнца, притягивало своей вульгарной красотой. Нисколько не удивившись, Нина с интересом всё разглядывала, иронично отмечая оригинальность некоторых «приспособлений», а когда устраивалась в кресле, я, не сдержавшись, взялся щекотать ее.

Смеясь, она заявила, что так нечестно, и «одела» меня по своему усмотрению. Было забавно, только в сапогах и при кашне, ходить за ней, мысленно примериваясь... А дальше – началось...

Это был настоящий «секс-праздник», прерывавшийся лишь на сон, застолье и приятные разговоры, влекущие в постель.

Только к середине второй ночи, утомленные, но довольные, мы вернулись в этот мир.

– Ну что, укатали «сивку» крутые горки?

– Твои горки, радость моя, укатают кого угодно...

Она грустно улыбнулась.

– Мы, наверное, больше не встретимся... Жаль.

– А что так?

– Парень, с которым я сейчас гуляю, – ревнивый психопат, и если узнает – убьет меня или тебя.

– Какие-то шекспировские страсти, – рассмеялся я.

– Зря смеешься, это серьезно, – вдруг глаза ее заблестели. – А ведь тебе нравится Ирочка, ты под хмельком что-то такое говорил!

Я действительно говорил, и больше того – думал о ней.

– А что, – продолжала Нина, – она классная девчонка, а ты отличный мужик. Можно попробовать – я помогу...

Нина приподнялась, вопросительно глядя на меня.

– Каким образом? – заинтересовался я. – И что это ты так загорелась?

– Знаешь, Ира мне нравится, она какая-то особенная... А с этими пацанами ничего хорошего ей не светит. Ты ведь не обидишь? – в ее глазах мелькнула обеспокоенность.

- Не обижу, конечно... Ну, давай свой изощренный план.
- Всё просто – в субботу мой парень с другом уедет в город, и я уговорю Иру пойти к тебе в гости. Потом технично оставлю вас, а дальше – как сумеешь. Сумеешь ли?
- Постараюсь... И буду тебе очень обязан.
- Ладно, – прильнув ко мне, прошептала она. – Полюбимся на прощанье, – и ласково целуя грудь, медленно опустилась ниже...

* * *

Незадолго до назначенного времени я, как мальчишка перед первым свиданием, нервно расхаживал по двору, поглядывая на улицу. Увидев подружек, гостеприимно распахнул калитку и залюбовался смутившейся девочкой в светлом платице с полураспущенной косой на груди.

Мы прошли по моему саду и остановились возле беседки, увитой диким виноградом.

– Кто же за всем этим присматривает? – поинтересовалась Нина.

– Третий дома, с отдельным входом, бесплатно занимает пожилая супружеская пара – родители одного из моих офицеров, – пояснил я. – Они уступили свою квартиру в Питере большой семье сына, а сами постоянно живут здесь, пользуясь небольшим участком земли и ухаживая за моим жильем и садом.

– Неплохо устроились, – одобрила Нина.

Я не стал уточнять, к кому это относится, слушая Иру, которая, ссылаясь на опыт, приобретенный в большом саду родительского дома, со знанием дела рассказывала об особенностях разных плодовых деревьев. Она уже не смущалась, лишь слегка порозовела, поймав мой влюбленный взгляд.

Смеркалось, я прошел в дом, разжег камин и пригласил девушек. Заметив, с каким интересом Ирина вглядывается в картины, выполненные в необычной манере, я кратко прояснил завуалированную фривольность авторской мысли. Эротика картин раскрылась настолько откровенно, что Ира даже растерялась, и я, чтобы развеять возникшую неловкость, постарался рассмешить ее историей приобретения причудливых заморских безделушек, украшавших каминную полку. Было видно, что своеобразие моего жилища Иру впечатляет, а вот Нина, удобно расположившаяся в знакомом ей кресле и с ехидцей наблюдавшая за нами, меня беспокоила: «Уж не передумала ли она приводить в действие свой план?». Словно почувствовав это, Нина пожаловалась, что перегрелась у камина и, с нашего позволения, немного погуляет в саду. Проследив, как она исчезла за калиткой, я тихо запер дверь и вернулся в комнату.

Ира сидела на кушетке, задумчиво глядя на огонь. Я притушил свет и поставил приготовленную заранее кассету:

– Потанцуем?

Она вложила в мою руку свою маленькую ладонь, и в такт музыке я аккуратно повел ее, замечая, как она постепенно расслабляется...

Повествуя о необычной судьбе певца, под его чувственный баритон я предложил выпить на брудершафт, а когда вино было выпито, поцеловал ее в сладкие губы. Она вздрогнула, но не отстранилась.

Мы опять танцевали, я хмелел, ощущая податливость девичьего тела.

– Что-то долго нет Нины, – Ира остановилась.

Легко касаясь маленького ушка, я прошептал:

– Она не придет.

Ира подняла голову.

– Я так и знала...

Закрыв повлажневшие глаза губами, целуя пульсирующую жилку теплой шеи, я поднял ее на руки и осторожно опустил на кровать. Платье сползло с приподнятых коленей; раздвигая их, я нежно ласкал всё, что ощущалось под тонким бельем. Она лежала с закрытыми глазами, повторяя еле слышно:

– Не надо, не надо...

Шепот затих, во влажном глубоком поцелуе я с блаженством ощутил встречное движение. Моя рука скользнула под трусики, и тело ее отозвалось легкой дрожью.

С разметающимися по подушке волосами, юная, невысказанно красивая, она замерла чуть дыша... Быстро скинув одежду, ощущая каждую частичку ее тела, я целовал маленькую упругую грудь, мягкий теплый живот, податливые бедра... Откликаясь на ласки, она то гладила меня, то всхлипывала, судорожно сжимаясь.

– У тебя было это?

Она отрицательно покачала головой...

Внезапно по окнам полоснул свет фар, и в открытую форточку ворвался шум подъехавшей машины. Послышались веселые голоса, стук калитки и длинные звонки. Ира села на кровати, испуганно прикрывая грудь руками.

Не обращая внимания на звонки, я обнял узкие дрожащие плечи.

– Не бойся, ерунда какая-то, сейчас разберемся...

Накинув халат, я включил наружное освещение, сдвинул штору и увидел на крыльце «теплую компанию»: своего будущего начальника, его друга и двух дамочек. Проездом на юг они собирались заглянуть ко мне в понедельник, и вот – принесла нелегкая...

Я открыл дверь и попросил их пройти пока на кухню. Понимающе улыбаясь, мне пояснили: «Машину на станцию прислал военком, а раньше договоренного приехали потому, что женщинам хотелось погостить подольше в гнездышке, о котором они наслышаны...».

Ира, одетая, стояла у окна.

– Может, останешься? – спросил я.

Встретив укоризненный взгляд и сознавая глупость своего предложения, я прижал к губам ее ладонь. Высвобождая руку, она отвернулась.

– Проводи меня, уже поздно.

Мне показалось, что она плачет. Быстро одевшись, я заглянул на кухню.

– Скоро буду, располагайтесь как дома.

За калиткой я попытался что-то объяснить, но Ира остановила.

– Не надо...

Глаза ее были закрыты, по щеке медленно ползла слезинка.

– Идем, – она взяла меня за руку.

Так мы и шли, держась за руки, и от тепла ее ладошки меня переполняло щемящее чувство вины и жалости.

– Всё, пришли, – она подняла бледное лицо и потянулась ко мне, но, словно опомнившись, резко повернулась и, не оглядываясь, пошла к дому.

Я нехотя побрел обратно.

В доме всюду шло веселье. Гостиная, отсвечивая зеркалами, являла полную готовность к предназначению.

Сергей с Николаем представили своих пассий: Эллу и Зиночку.

Мне налили бокал вина – «штрафную», но, глянув на развеселые лица, я решил «догнать» их: открыл бутылку водки и под одобрительные возгласы залпом опрокинул стакан.

Дамы в мою честь попытались исполнить канкан, затем, приятно задевая бедрами, повели показывать заинтересовавшие их вещицы, желая уточнить – что к чему...

Под воздействием выпитого обстановка начинала мне нравиться, но некоторый дискомфорт требовал завершения секс-прелюдий... Я подумал о Ниночке и, предупредив Сергея, вышел из дома.

На соседней улице жил парень, с которым мы иногда рыбачили. С детства бредивший морем, он чуть ли не молился на меня. На стук в темное окошко Валера вышел заспанный и недовольный, но, взглядевшись, преобразился и, выслушав, отчеканил:

– Понял, привезу...

Через минуту мотоцикл выкатился из калитки и с треском исчез в темноте.

Прогуливаясь в ожидании, я почему-то был уверен, что она приедет.

Нарастающее тарыхтение смолкло. В тишине, с выключенным мотором, подкатил Валера. Позади его сидела Нина. Слезая с мотоцикла, она нехотя подала мне руку.

– Ну что, «адмирал»? А говорил, не обидишь.

Развернувшись, Валера уехал.

– Я ее почти не обидел, а вот тебя почти люблю. Сменишь ли гнев на милость?

– Ладно, что с тобой поделаешь... – улыбнулась она. Мы направились к дому, и я решил, во избежание недоразумений, ввести Нину в суть происходящего.

* * *

В нашем небольшом флотском сообществе действовало несколько правил. На «секс-мероприятиях» или вечеринках, готовых перейти в них, каждый должен быть со своей подружкой, но при взаимном согласии партнерами можно было меняться. Заниматься любовью парочка могла как ей вздумается, а вот комментировать, и тем более прикасаться к ним без разрешения, никто не имел права. Нарушитель навсегда исключался из подобного общения. Запрещалось приводить платных шлюх. Это довольно быстро выяснялось и также наказывалось. Поэтому публика собиралась довольно приличная. Дамы – в основном жены офицеров, настоящие или бывшие, а также те, кого находила Альбина, руководившая процессом.

Альбина слыла легендарной личностью. Лет десять назад, будучи молодой адмиральской женой, она прославилась любовными похождениями и, поскольку покровителей у нее хватало, оставшись вдовой, не унывая, жила в свое удовольствие.

В восьмидесятом году, на олимпиаду, приехал богатый гость из-за рубежа – спонсор одной из команд, и разыскал свою дальнюю родственницу. Это была Альбина. Она так обворожила новоявленного дядюшку, что вскоре, умирая, он завещал ей огромное состояние. Настолько большое, что этим занялся комитет – изъят в пользу государства «львиную долю», разрешив распоряжаться остальным как заблагорассудится. Но под контролем...

Она приобрела шикарную квартиру в центре, большую дачу на побережье и стала еще активнее заниматься своим «любимым делом».

Участники ее мероприятий, зная о надзоре, относились к этому спокойно: «аморалки» особо не боялись, но языки не распускали. А по поводу измен подвыпивший подводник как-то высказался: «Я что, не знаю, что моя благоверная, пока я восемь месяцев в плавании, не скучает в одиночестве? Знаю... Зато, когда возвращаюсь из похода, лучшей жены, чем моя – не бывает». Подобных взглядов придерживались и другие наши сотоварищи.

– Ну и ну, – покачала головой Нина, – выходит, эти дамы – жены ваших братьев по оружию.

– Возможно, – засмеялся я, и мы вошли в дом.

Несмотря на разницу в возрасте, держалась Нина абсолютно свободно, и приняли ее как равную. К этому времени гости полностью освоились и переоделись. Соблазнительные формы

Зиночки не давали покоя Николаю, и рука его постоянно что-то поглаживала на ней – похоже, сдружились они совсем недавно.

Эллу я и раньше видел в обществе Сергея: стройная, с глубокими завораживающими глазами и аристократически бледным лицом, обрамленным прямыми черными, точно вороново крыло, волосами. При встречах она с интересом поглядывала на меня, но он нас почему-то не знакомил. Сейчас на ней был шелковый халат вишневого цвета, пошитый так искусно, что при каждом движении, распахиваясь, приоткрывал нежные бедра, но ровно до определенного места, которое так и притягивало взгляд.

На столе лежали порножурналы, оставленные Альбиной, отдохавшей здесь месяца два назад с «товарищем», не желавшим «светиться» с нею в Питере. Сергей придвинул кресло к себе, приглашая Нину. Глянув на раскрытые журналы, она, со словами «пожалуй, я переоденусь», исчезла в гардеробной и появилась через несколько минут в коротенькой плиссированной юбке и в моей летней парадной рубашке навыпуск.

Смотрелось это на ней потрясающе... Сергей привстал, предлагая присесть рядом, и, плавно покачивая юбочкой, она прошла к нему. Сидевшая с другой стороны Элла что-то тихо сказала. Он согласно кивнул, с шутливыми пояснениями листая журнал перед смеющейся Ниной.

Элла поднялась и подошла ко мне.

– Эту ночь я хочу провести с тобой, Сергей не против, – она непринужденно поправила ворот моей рубашки. – Поверь, я лучше этой «телочки».

Обнимая ее, я откровенно опустил ладонь ниже талии, заметив, что смотревшая на нас Нина всё поняла и повернулась к Сергею, рука которого уже скрылась у нее под юбкой.

Раскрепощенные журналами и алкоголем, мы устроили эротичные танцы с раздеваниями, прерывая их у барной стойки, где я слегка потерялся... и, очнувшись, разглядел в полумраке ниши роскошную задницу Нины и прильнувшего к ней Сергея. На диване, сквозь матовые ширмы, просматривалась другая парочка в интересной позиции, а в сторонке, за такой же ширмой, поправляла подушки Элла.

Я прошел на кухню. Войдя следом, она подала мне бокал с прохладным напитком, терпким и освежающим. Прозрачный шарф, завязанный в бант, двойным витком плотно облегал ее красивую грудь. Стянутый на талии цветастый шелковый платок, спадая наискосок почти до пола, лишь слегка прикрывал бедра. Смутно помнилось, как развевались черные волосы, закрывая лицо, и какой вид открывался за этим платком, когда она кружилась передо мной в огненном испанском танце.

– Еще? – взяла Элла пустой бокал.

Пока жужжал миксер, я смотрел на нее с нарастающим желанием и, не допив второй порции, обнял в нетерпении... Выскользнув, она потянула меня за собой, и я оказался во власти умелой и опытной женщины. Власть эта переходила от нее ко мне и обратно, и в забытии, называя ее то Ирой, то Ниной, я любил словно последний раз в жизни. Отдыхая, мы с интересом наблюдали, как, используя по назначению большое кресло, весело и творчески занимались друг другом Нина и Сергей.

И снова мы были вместе... Глядя в бездонные глаза, целуя красивое лицо, ощущая страсть и нежность ее, я хотел бы навсегда остановить эти мгновения...

Сквозь сон слышался приглушенный разговор и смех, а из подсознания не уходило бледное лицо с теплыми, темными глазами. Совсем не хотелось просыпаться... Легкий шорох заставил открыть глаза – Элла, опустившись на колени, прижалась щекой к моей груди и, оставив влажный след слез, исчезла.

Умытые, одетые, вероятно, похмелившиеся, гости обосновались на веранде. Дамы хлопотали, собирая завтрак. Мужчины мешали им, помогая...

Предупреждая мой вопрос, Сергей сказал, что Нина, пожелав всего наилучшего, упорхнула час назад. Элла, будучи явно при Сергее, не обращала на меня особого внимания, и от этого мне стало легко и безразлично.

После веселого застолья с комментариями по прошедшему вечеру, мы отправились на речку. Женщины, посетовав для приличия, что не взяли купальники, разделись за редкими кустиками и, не решаясь войти в прохладную воду, ходили по бережку, являя собой воплощение эротики: крутобедрая Зиновья и стройная, словно точеная из белого мрамора, Элла.

Сергей, сбросив одежду, с ревом ринулся к ним – началось купание с визгом и хохотом. Мы с Николаем переглянулись и тоже стали раздеваться, но появился запыхавшийся соседский мальчишка.

– Дядя Костя, там приехала черная «Волга», военный шофер сказал, что должен передать командиру пакет.

Я позвал Сергея. Он подошел к нам и, выяснив в чем дело, приказал:

– Иди и приведи сюда водителя, скажи – так велел капитан. Понял?

Тот кивнул, но было видно, что понял плохо... Открыв рот, он смотрел на обнаженных «русалок», плескавшихся по колено в воде. Сергей встряхнул его за плечо:

– Беги, а то ослепнешь.

Смутившись, парнишка припустился к деревне.

«Русалочки» продолжали плескаться, и мы, опорожня бутылку «Столичной», любовались ими.

Вскоре появились мальчишка и сержант, который с дежурным приветствием вручил Сергею конверт. Прочитав послание, он обратился к подошедшим, уже одетым женщинам.

– Девчонки, соберите военному продовольственный пакет, – и обернулся к сержанту. – В пятнадцать ноль-ноль выезжаем, до этого свободен. А тебе за отличную службу вручается «наградное оружие», – он протянул мальчишке красивый складной ножичек.

Сержант с мальчиком ушли довольные. Сергей, словно не замечая наших вопросительных взглядов, продолжал распоряжаться:

– Дамы после купания, конечно, проголодались, да и воины тоже, поэтому все яства и напитки выставляются и уничтожаются в срочном порядке.

Элла не выдержала.

– Сережа, хватит издеваться, в чем дело?

– Дело в том, что в город приехал столичный драматический театр. Для нас оставлены билеты, начало спектакля в девятнадцать ноль-ноль. После спектакля намечается фуршет для высших чинов гарнизона, и военком предлагает воспользоваться его гостеприимством. Отказать ему мы не можем, да и вечер обещает быть интересным. Номера в гостинице забронированы.

Я подошел к Сергею.

– Извини, но мне через два дня на службу, так что я пас...

– Хорошо, – он отвел меня в сторону, – передай Ниночке, что я жду ее в гости.

Расправившись с провиантом, мы двинулись к дому. Сборы были недолгими, прощание – не тяжким, и, когда машина тронулась, я облегченно вздохнул... Проехав несколько метров, она остановилась. «Забыли что-нибудь», – мелькнула мысль. Из машины вышла Элла.

Она медленно шла, глядя мне в глаза, ее сдержанная взволнованность ощущалась даже на расстоянии. И чем ближе подходила, тем тревожнее становилась глубина темных омутов. Не отводя взгляда, она коснулась ладонью моей щеки.

– Прощай, мой капитан...

Повисла напряженная тишина. Я должен был сказать что-то. И я даже знал, что именно... Я молчал. Элла повернулась и медленно пошла обратно.

Хлопнула дверца, машина скрылась за поворотом. Я должен был сказать: «Останься...».

Домой идти не хотелось – побрел куда глаза глядят. Оказавшись у речки, присел на знакомый пенек и смотрел на воду, ни о чем не думая. Пошел теплый дождь, шурша по воде крупными каплями. Когда дождь перешел в ливень, я, промокший до нитки, направился к деревне. Дома, скинув мокрую одежду, закутался в плед и после стакана рома забылся тяжелым сном.

Весь следующий день дождь лил не переставая. В резиновых сапогах и непромокаемой плащ-палатке до позднего вечера я бродил по окрестностям. Постепенно тоска, размытая небесным душем, покидала меня.

Ясным утром я открыл окна настежь, впуская благоухание омытого дождями сада. С ворвавшимся птичьим щебетом оно заполнило дом, привнося ощущение вольного лета, и почему-то вспомнилась Елена Владимировна – «Елена Прекрасная», так я звал ее про себя...

* * *

Будучи лейтенантами, мы служили на одном корабле с Гришей Барминым. Он женился, еще не закончив училище, и про их неземную любовь рассказывали сказочные истории...

На каком-то торжестве оказавшись с ними за одним столиком, я был очарован Леной, ее умом и красотой и, танцуя с нею, понял: за близость именно с такой женщиной, бывает, отдают и погоны, и душу. Но, наблюдая за их общением с мужем, ясно видел, что для нее не существовало других мужчин. Смешно было смотреть, как нацелившийся на флирт очередной флотский ловелас сконфуженно отходил, сознавая – он «никто», разве что поговорить из приличия...

Вскоре Гришу перевели на другой флот, но года два назад я узнал, что они опять в Питере.

Прошлым летом, вернувшись из похода, я прогуливался по Невскому. Весь в шикарном импорте, чувствуя себя плейбоем, я шел, разглядывая витрины и встречающих красоток, не стесняясь оборачиваться вслед, когда было на что посмотреть.

Мое внимание привлекла женщина, выходящая из магазина. Я будто споткнулся на ровном месте – настолько она была хороша...

Из-под стильной соломенной шляпки, с опущенными на лицо полями, волнами спадали темно-русые локоны. Платье, слегка прихваченное ремешком на талии, не облегало, но в свободном касании так подчеркивало все изгибы и округлости фигуры, что я позавидовал этому платью. Замшевые туфельки на невысоком каблучке, украшая стройные ножки хозяйки, словно умоляли полюбоваться ими.

Она зашла в кафе, присела за столик у большого окна – я узнал Лену Бармину и, войдя следом, направился к ней.

– Разрешите? – не дожидаясь ответа, уселся напротив. – Здравствуйте, Леночка.

Холодное недоумение скользнуло по ее лицу, но через секунду светло-карие глаза потеплели.

– Здравствуйте, но – Елена Владимировна, – поправила она.

– Да ладно, Леночка, к чему такой официоз, нас ведь никто не слышит, – я заглянул в ее глаза, стремясь зацепить влюбленностью.

– Т-а-а-к, – протянула она, и светло-карей теплоты как не бывало. – Корабли штурмуют бастионы...

Я видел, что она сейчас уйдет, и взмолился:

– Елена Владимировна, подождите, Вы неправильно меня поняли... Можно хотя бы поговорить?!

– Я правильно Вас поняла, Константин Викторович, и пожалуйста, не надо так. А говорить нам, думаю, не о чем. У Вас – свои «свадьбы», у нас – своя жизнь.

Как нашкодивший пятиклассник перед красивой и строгой учительницей, с трудом подбирая слова, я попытался объяснить свою теорию отношений мужчины и женщины. И поражаюсь – какой бред я несу...

Несколько минут она внимательно слушала, потом, подняв ладонь, спокойно сказала:

– Всё. Достаточно. По-вашему, женщина своими прелестями, данными свыше, должна дарить всем желающим кусочки счастья, в том числе и себе с этими счастливцами... Но поверьте, далеко не все мужчины согласятся стоять в общей очереди за этим кусочком. А для многих женщин настоящее счастье – ждать и встречать Его, зная, что Она – единственная.

Она встала, в приветливом взгляде осталось только хорошее воспитание, и, словно прочитав мои мысли, добавила:

– В дальнейшем прошу Вас не искать «случайных» встреч со мной.

Я отрешенно смотрел в окно: перейдя улицу, она исчезла, как прекрасное виденье.

Из задумчивости меня вывело приятное цоканье каблучков. К соседнему столику, заманчиво покачивая бедрами, подходила эффектная блондинка. Взглянув на меня, она мило улыбнулась.

Ну что ж, подумал я: Богу – богово, а кесарю – кесарево...

После этого я видел Лену лишь однажды. Она стояла у кромки воды и смотрела на залив. Подходить я не стал, зная, что этот «берег очарованный и очарованная даль» мне принадлежать не могут...

* * *

Воспоминания внесли полную ясность в мои намерения, и я наудачу направился к дому, где жили девушки.

Ира, сидевшая на крылечке с книжкой в руках, поднявшись, нерешительно шагнула навстречу... С непривычной для себя нежностью я подумал, что такие же доверчиво распахнутые глаза я видел недавно у очень симпатичного котенка, забежавшего ко мне во двор.

– Здравствуй, Ирочка...

Она прошептала что-то похожее на приветствие. Взяв ее руку, перебирая тонкие пальчики, я, вместо заготовленной убедительной речи, сказал:

– Завтра я уезжаю и хочу, чтобы ты поехала со мной. Я тебя никогда не обижу, будешь учиться и устраивать свою жизнь.

Глядя мне в глаза, она спросила:

– В качестве любовницы?

– Для всех – племянницы... – и, чтобы разрядить обстановку, шутливо добавил. – Выдадим тебя замуж за блестящего офицера, – увидев, как она прикусила губу, запнулся, но продолжил. – Возьми только документы. В четырнадцать часов машина будет у моего дома.

Я обнял ее.

– Ира, я, наверное, люблю тебя, но неволить и ограничивать ни в чем не собираюсь...

Слов больше не было, я отпустил хрупкие плечи. Она медленно пошла к дому.

На следующий день все распоряжения по хозяйству были отданы, вещи уложены, а в 13.30 машина уже стояла у ворот. Я прогуливался по саду, и в груди нарастал холодок неопределенности, готовый развеяться при виде тонкого силуэта... В 14.10 я велел водителю ехать на станцию той дорогой, по которой могла идти она.

Но деревенская улица жила своей неторопливой жизнью, и ничего для меня на ней не изменилось и не появилось.

В двухместном купе, в одиночестве, я долго смотрел на мелькающие поля и перелески...

Глава 3. Ирина

Накормив ребят завтраком, мы наводили на кухне порядок. У меня всё валилось из рук. Маша не выдержала.

– Дура, иди собирайся! Такой шанс бывает раз в тысячу лет!

Я посмотрела на девчонок.

– Можно, я пойду?

– Конечно, иди, – обернулась Галя и добавила, – напиши, если уедешь.

В субботу, когда я пришла вся «никакая» и упала на кровать, Нина виновато и встревоженно стала успокаивать меня. Но, узнав, что по-настоящему ничего не было, повеселела, а потом куда-то исчезла.

Утром, наверно для того, чтобы я не очень переживала, она красочно расписала вечер, проведенный на даче Константина Викторовича.

– Они называют его «К.В.» – был, оказывается, такой танк во время войны. Это тебе о чем-то говорит? – закончила она с явной на него обидой.

– Ну, уж на танк-то он совсем не похож, – возразила я.

– Вот и я его другу то же самое сказала, а он ответил: «Те, кто с ним конфликтовали, так не считают». Кстати, – добавила Нина, – он женат, хотя с женой вроде бы не живет.

После услышанного я старалась не думать о нем или думать плохо, но иногда охватывало желание видеть его глаза, почувствовать руки, губы и в сладком блаженстве ощущать бесстыдные ласки. Предложи он вчера, я пошла бы с ним, не раздумывая, и, наверно, была бы счастлива.

Но он предложил другое... Когда я рассказала об этом девчонкам, они отменили свои свидания, и весь вечер шли жаркие споры: Тоня с Надей были категорически против отъезда, а Маша и Галя эмоционально и убедительно отстаивали противоположное мнение. Нина в обсуждениях не участвовала, а на мой вопрос, жалостливо поглядев, пожала плечами.

– Не знаю, решай сама.

Назначенное время приближалось, а я всё не могла ни на что решиться. В этой неопределенности, понимая, что не смогу отказаться, если он заедет за мной, взяла сумочку с документами и поплелась обратно к девчонкам.

Меня, наверно, заметили издали и, не задавая вопросов, как ни в чем не бывало продолжали готовиться к обеду.

После обеда, осознав, что поезд ушел и никто уже за мной не приедет, я включилась в общие дела и даже пошутила по поводу своей сумочки, хотя сердце при взгляде на нее тоскливо сжалось.

Через неделю, придумав уважительную причину, я уезжала, покидая опостылевший стройотряд. Девчонки душевно проводили меня, а Нина, прощаясь, дала адрес и телефон К.В.

– На всякий случай.

Жизнь постепенно входила в обычное русло – домашние заботы, учеба, но иногда, непонятно отчего, одолевала грусть и хотелось плакать...

Неожиданно всё изменилось. Я шла, обходя весенние лужицы, и меня окликнул парень в военной форме.

– Ира! – Он подошел, улыбаясь. – Тебя и не узнать. Какая ты стала красавица!

Передо мной стоял Володя Брусникин, мой одноклассник: сын военного, спортсмен, отличник – кумир девчонок. Я не была исключением, стараясь как бы случайно встречать его по пути в школу. Жил он на соседней улице, и дом их выделялся ухоженностью, потому что под руководством мамы-домохозяйки во дворе часто трудились солдатики. Иногда, зная, что он дома, я намеренно проходила мимо окон, словно по делу, но Володя не замечал меня...

Смешные обиды и чувства остались в прошлом, и сейчас мне приятно было видеть приветливого, подтянутого курсанта. В воспоминаниях о детстве, о школе время пролетело незаметно, а на следующий день он ждал меня возле института с цветами.

Мы стали встречаться, и я не заметила, как влюбилась. Гуляя по городу, мы целовались в каждом укромном уголке... домой я приходила такая счастливая, что сестра смотрела завидующими глазами, а мама обеспокоенно вздыхала.

Недели через две, в кафе, Володя нерешительно спросил.

– Ира, можно пригласить тебя в гости? Предки с сестренкой уехали к друзьям и вернутся только завтра. Послушаем музыку, у меня классные записи.

По его умоляющему виду было понятно: если пойду – скорее всего так просто это не закончится. Вспомнился тот вечер с К.В., и, сознавая, что мне хочется испытать что-то подобное, я согласилась. Мы шли к его дому, он изо всех сил старался быть веселым, рассказывая о чем-то, а я смеялась совсем невпопад...

Уже в прихожей, помогая раздеться, Володя обнял меня, и нетерпеливые руки поползли вниз. После страстных объятий мы прошли в комнату, он включил магнитофон, приглашая потанцевать, но вместо этого повалил на диван и, осыпая поцелуями, полез под юбку.

Грубо тиская, дрожащими руками он стянул с меня трусики и стал торопливо расстегивать брюки. От его слишком активных действий возбуждение мое исчезало – вместо ожидаемого ощущения блаженства нарастала тревожность, захотелось всё прекратить... Раздевшись, он навалился, упираясь чем-то твердым в низ живота, но это твердое стало мягким – он ругнулся, отстраняясь, и зло прошипел:

– Разлеглась тут, как бревно. Из-за тебя не получается... Дура!

Несколько секунд я лежала, ничего не понимая. Потом, оттолкнув его, стала торопливо натягивать одежду и уже в дверях оглянулась – голый, он сидел на краю дивана, уставившись в пол.

Домой в таком состоянии идти я не могла и, дождавшись первого подошедшего автобуса, долго каталась по городу, приходя в себя.

Два дня Володя не появлялся. На третий он ждал меня в вестибюле института: в форме, очень симпатичный – девчонки, проходя мимо, оглядывались на него. Он робко взял мою руку и, пока мы шли до остановки, сообщил, что сегодня уезжает, что очень любит меня, что всё у нас будет хорошо, и просил писать ему и ждать.

Увидев своих одноклассниц, садившихся в троллейбус, я сказала, что должна ехать с ними и, протиснувшись в закрывающиеся дверцы, избавилась от его дальнейших излияний.

Каждые три дня, как по графику, приходили письма. Не читая, я складывала их в дальний ящик: на носу были экзамены, защита диплома, и ничем лишним не хотелось забивать себе голову. После защиты, получив распределение в районный городишко соседней области, я, от нечего делать, взялась читать заброшенные письма.

Обида прошла – помнилось только хорошее, и под эти воспоминания я написала ему о предстоящей смене места жительства.

Через неделю пришел ответ, на нескольких страницах, с предложением руки и сердца. «А после свадьбы, – писал он, – мы уедем в красивый город у моря, место службы уже известно – отец постарался».

Когда я с удовольствием перечитывала очередное послание, представляя себя женой офицера, в комнату заглянула мама.

– Ира, там тебя спрашивает девочка Брусникиных.

Я вышла на улицу. Вежливо поздоровавшись, Оля отвела глаза в сторону.

– Моя мама просит вас прийти к нам, если можно, сейчас.

Встревоженная, я поспешила вслед за ней.

На крыльце меня встретила «Мадам Брусникина» – так мы с девчонками называли ее за высокомерие и вычурность в одежде. Я поздоровалась. Не ответив, она прошла на веранду, указывая на кресло.

– Садитесь, милочка, – и, плотно прикрыв дверь, уселась напротив.

Предстоит что-то недоброе, почувствовала я – и не ошиблась... Оказывается, я хитрая, подлая девка из нехорошей семьи, таскающая с сестрой по улице пьяного папашу.

Такое действительно было один раз: в праздник мы вели отца от соседей, перебравшего и поющего во весь голос.

– Своими проститутскими приемами, – продолжала она, – ты приворожила нашего Володеньку так, что он готов бросить училище и жениться хоть сейчас. А для него обговорена перспективная партия, которая поможет ему сделать блестящую карьеру. С тобой же его ждет жалкое, низкое прозябание. Этого я ни за что не допущу и по-хорошему прошу – напиши Володе, что ты навсегда забыла о нем, что у тебя есть жених...

Она продолжала лить свои помои. Обида и злость переполняли меня, я встала.

– Пишите ему сами что хотите, в гробу я видела вашего Володеньку вместе с вами, – и вышла, хлопнув дверью.

Оля презрительно поджала губы, когда я у калитки подмигнула ей, прощаясь. А во мне кипела какая-то веселая злость и ощущение свободы: я окончательно развязалась с этим проблемным Володенькой и его непростым семейством. И впереди была целая жизнь!

* * *

Завод, куда я приехала по распределению, выделил мне как молодому специалисту комнату в общежитии. За работу я взялась с большим рвением, но, оказалось, то, чему учили и что есть на практике – разные вещи. Еще мне доходчиво объяснили: «Не надо корчить из себя очень умную, создавая людям лишние проблемы и хлопоты». На этом мои производственные «успехи» закончились.

Секретарь комсомольской организации – копия суровой девушки с плакатов тридцатых годов, только без красной косынки – сразу откровенно невзлюбила меня. С большим трудом собирая безответственных комсомольцев на мероприятия, на мне она отыгрывалась, постоянно загружая разными поручениями.

Со временем, на примере других, я научилась, включая «дурочку», соглашаться с ней во всём, ничего при этом не делая...

В отличие от главной комсомолки, парторг – добродушный, веселый дядька, искренне озаботившись моей дальнейшей судьбой, – убедительно советовал вступить в партию, обещая свое содействие в продвижении по служебной лестнице.

Постепенно эта «забота» приняла более осязаемые формы: при каждом удобном случае он норовил нечаянно-шутливо прижать меня, лапая, и я уворачивалась, сердясь не вправду.

В воскресенье я случайно встретила его у магазина. Шествуя во главе своего семейства: жены-толстушки и трех детишек от года до пяти – он лишь небрежно кивнул, здороваясь, но по ненавидящему взгляду супруги стало ясно – меня уже записали в любовницы.

При следующем «нечаянном контакте» я резко дала понять, что мне это очень не нравится, и он перестал замечать меня.

* * *

Основную промышленность города составляли три текстильные фабрики, и среди множества приезжих девчонок местные парни чувствовали себя королями. На танцах в Доме культуры, всегда явно подвыпившие, они беспардонно нагнали, и после нескольких неприятных инцидентов я отказалась от этих развлечений.

Так и дотянула до лета – работа, книги, иногда кино.

В пятницу меня вызвали к директору. Сидевшая в приемной секретарша сказала, что он скоро придет, и предложила подождать. Лет сорока пяти, красивая, ухоженная, она держалась с изысканной манерностью. О ней рассказывали, что когда-то, бросив столичный театр, она умчалась за большой любовью на край света. Любовь закончилась трагедией...

Только через много лет она смогла приехать к больной матери и, схоронив ее, осталась в родном городе. Будучи хорошей портнихой, шьет по заказам жен городского начальства, а также для девчонок из театральной студии, в работе которой принимает активное участие.

– Наверное, скучновато вам у нас... На танцы ходить перестали, местного «казанову» отшили. Чем занимаетесь? – поинтересовалась она.

Ее осведомленность и доброжелательный тон располагали к общению, и я пожаловалась на отсутствие хороших книг.

– Это поправимо. У меня прекрасная библиотека. А театром не увлекаетесь? Здесь, в Доме культуры, хорошая театральная студия.

– Как-то не очень, – виновато ответила я. – В школьном драмкружке пыталась, но ничего не получилось.

– Получится, у вас хорошие данные. Сегодня вечером я свободна, приходите, выберем вам книжки. Придете? – и, не дожидаясь ответа, объяснила, как пройти к ее дому. – В девятнадцать часов жду вас, Ирочка.

Я удивленно посмотрела на нее, зная, что мы не знакомились.

– А меня звать Изольда Андреевна. Вот и директор, – заметила она, услышав тяжелые шаги в коридоре.

После работы, наскоро приведя себя в порядок, я надела свое лучшее платье и отправилась в гости. Конечно, я не ожидала увидеть ее в затрапезном халате и стоптанных тапках, но, когда она открыла дверь, приглашая меня в ярко освещенную прихожую, я застыла, очарованная...

Длинный халат из темного атласа с розовыми переливами облегал стройную фигуру. Рассыпанные по плечам каштановые волосы оттенялись гранатовым ожерельем. Алая помада красиво очерченных губ гармонировала с переливами халата. Из-под него виднелись изящные мягкие туфельки в тон ожерелью.

– И что же мы стоим? Проходите... – она взяла меня за руку и повела в комнату. На ходу я скинула свои лодочки, убого смотревшиеся в этой прихожей.

– Я приготовлю кофе, а ты ознакомься с моей «шкатулочкой», – она кивнула на комнаты, и то, как она перешла на «ты», выглядело вполне естественно. Приоткрыв дверь, я заглянула в одну из комнат. Это была гардеробная: на полках лежали отрезки разных тканей, на столе стояла швейная машинка. А вот большая комната убранством действительно напоминала шкатулку из восточной сказки: широкий диван, ковры, кушетки, пуфики – всё располагало к приятному времяпровождению, в отличие от спальни...

Выполненная в черно-алых тонах, с широкой кроватью и волнами шелка над нею, она производила странное впечатление. «Не очень-то здесь заснешь», – подумалось мне.

В большой комнате часть стены занимали стеллажи с книгами. Я с интересом разглядывала их, читая имена авторов на корешках, и, слукавив, словно ничего не зная о нем, указала подошедшей Изольде Андреевне на трехтомник «Маркиз де Сад».

– А это кто?

Она шутливо сконфузилась.

– Это не для маленьких девочек, – и пригласила к накрытому столу.

Мы пили кофе, а после разговора о драматической студии незаметно перешли к моей персоне. Она заинтересованно и внимательно слушала, и я разоткровенничалась, поведав обо всех своих горестях и печалях.

Когда я рассказала о несостоявшейся любви и о «Мадам Брусникиной», Изольда Андреевна сочувственно прошептала:

– Бедная девочка... – и, помолчав, оживилась. – Не думаешь ли ты, что всё это, – она повела рукой, – приобретено на секретарскую зарплату? Не буду скромничать: я первоклассная портниха и обшиваю дам местного «бомонда». Надо сказать, мое мастерство недешево им обходится. А на тебе, наверное, лучшее платье?

Я смущенно кивнула.

– А ну-ка, пройдишь-ка, девочка моя – полюбуемся на тебя.

Я встала и, стесняясь, прошла по комнате.

– Неплохо...

Она в нескольких местах прихватила платье булавками.

– Погуляй-ка еще немножко. И запомни: у тебя классная фигура, красивая попа, – она ласково провела ладонью по моим ягодицам. – Ты должна это чувствовать, должна себе нравиться, и тогда поневоле твои движения наполнятся этими ощущениями и передадутся окружающим. Ну, пройдишь... Так уже лучше – ты способная ученица, вот только платьице подкачало, но не беда... Есть интересная ткань, и мы соорудим тебе потрясающую вещь.

– Ну что вы, Изольда Андреевна. У меня денег таких нет...

– Девочка моя, я могу себе позволить иногда не быть меркантильной, – она сделала приглашающий жест. – Встань вот здесь, возле зеркала, сними платье и надень примерочные туфли. Всё должно быть точно до миллиметра.

Я понимала, что, отказавшись, обижу ее, но было еще одно обстоятельство...

– Изольда Андреевна, может быть в другой раз.

Она в недоумении подняла брови.

– Почему?

Смущаясь, я объяснила, что у нас на этаже, как обычно, не работал душ, и я чувствую себя не совсем комфортно.

– Это проблема, – улыбнулась она. – Но мы, конечно же, решим ее – возражений не принимается, – и провела меня в ванную комнату.

Раздевшись, я задернула цветную прозрачную штору и включила душ. Наверное, благодаря мягкому свету и розовому кафелю, отражение в затуманенных зеркалах было нереально красивым, и я нисколько не смутилась, когда Изольда Андреевна, положив на тумбочку белье, задержалась, одобрительно глядя на меня.

Рассматривая кружевной гарнитур, я оробела и, приоткрыв дверь, растерянно спросила.

– Изольда Андреевна, мне это надевать?

– Конечно, – рассмеялась она, – другого у меня нет.

С большой осторожностью я надела тонкие трусики, бюстгальтер, закуталась в белый махровый халат и вышла из ванной.

Изольда Андреевна сидела в кресле у столика, на котором красовалась ваза с фруктами, хрустальные бокалы и начатая бутылка вина с красивой этикеткой.

– Отдохни немного, потом займемся делом, – она наполнила бокалы.

Терпкое, прохладное вино подействовало, и мы непринужденно болтали, как подружки.

Она встала.

– Ну, мадемуазель, прошу вас...

Я прошла за ней к большому зеркалу. Легким движением она оголила мои плечи, и халат упал к ногам. Я наклонилась, чтобы поднять его.

– Оставь, пожалуйста, и стой прямо.

Выпрямившись, я посмотрела в зеркало, к которому стояла вполоборота. Такой себя я даже не представляла... Вишневый цвет плотно облегающего ажурного гарнитура подчеркивал розовеющую после душа белизну тела.

В туфельках на высоких каблукках, с распущенными волосами, я смотрелась моделью из заграничного журнала.

«Слишком яркий свет», – подумала я, совершенно забывшись в этом созерцании. И только увидев в зеркале улыбающуюся Изольду Андреевну, сконфуженно повернулась к ней.

– Извините.

Ничего не ответив, она начала снимать мерки, записывая цифры в блокнот.

От ее прикосновений исходило что-то волнующее, а почувствовав, как ее теплые пальчики, нежно скользя, замирают возле интимных мест, я стала что-то понимать. Но это меня нисколько не смутило, наоборот, захотелось продолжения... И когда ее рука задержалась на моих ягодицах, легко вдавливая и приотпуская их, приятное тепло, возникшее внутри, заставило меня прогнуть спину. Послышался легкий вздох, трусики поползли вниз, я затрепетала, ощущая ее влажные губы.

Изольда Андреевна поднялась и, придерживая за талию, подвела меня к широкому дивану. Опустившись возле него на пол, она что-то шептала, а ласковые руки скользили, подрагивая, по моему телу.

Всё происходило словно не со мной, заполняясь волнующим ожиданием. Ощущение полупущенных трусиков возбуждало, и я откровенно подставлялась, желая большего...

Острота наслаждения, пронизывая насквозь, становилась нестерпимой. В безумстве мы катались по дивану, стараясь сделать друг другу как можно больнее и приятнее, и, наконец, затихли обессиленные.

Нежно целуя меня, она приговаривала.

– Девочка моя, хорошая моя...

– Что это было? – тихо спросила я.

– Прелюдия...

Возвращалось сладкое томление, непонятные желания... я прижалась к ней.

– Какая ты чувственная, – шептала она...

Новые ощущения переполняли меня. Глядя на нее, такую красивую и порочную, хотелось кричать: «Ну, давай же, делай же что-нибудь...» Она, словно почувствовав это, склонилась надо мной, и я, вздрагивая от влажных поцелуев, судорожно теребила ее волосы, плечи... Блаженство нарастало и волнами, раз за разом сотрясая и опустошая, проходило по телу...

Укрытая мягким пледом, я не сразу поняла, где нахожусь, и огляделась: Изольда Андреевна при свете настольной лампы листала журнал, делая пометки в блокноте.

Вспомнив, что происходило с нами, я лежала, не зная, как вести себя... Она присела на диван, ласково провела ладонью по моей щеке, поправляя волосы, и нежно поцеловала в губы. Это было так приятно, что я обняла ее, задерживая, и она вновь прильнула в благодарном, долгом поцелуе. Во мне снова шевельнулись смутные желания...

– Время уже позднее, а завтра выходной, оставайся у меня. Не против?

– Нет. Мне хорошо здесь... – и мысленно укорила себя: «Бесстыжая...»

– Ну, вот и славненько, прими душ, освежись, и будем пить чай.

Я откинула плед, но увидев, как она смотрит, осталась лежать совершенно голая, чувствуя приятное возбуждение.

– Вставай, – она потянула меня за руку и легонько шлепнула по попе, направляя к ванной. Забывшись в истоме, я долго стояла под теплым душем, поглаживая себя как бы ее руками...

Потом мы пили крепкий чай с вишневым вареньем. Изольда Андреевна рассказывала о своей непростой судьбе, о любви, предательстве, которое разрушило ее жизнь, о разочаровании в мужчинах. Увидев, что глаза мои слипаются, она разложила постель на диване, пожелала спокойной ночи и ушла в спальню, оставив дверь полуоткрытой.

Прохлада свежего белья прогнала сон. Томясь и страшась, я медленно стянула с себя простыню и решила.

– Изольда Андреевна...

Она подошла в длинном шелковом пеньюаре, скрепленном двумя ленточками.

Взяв ее за руку, я прошептала:

– Можно еще?..

Ленточки распались – пеньюар соскользнул на пол. Не понимаю, откуда взялись силы и желание – дальнейшее повторило всё, что было раньше. Но если тогда мне мешали собственная стеснительность и необычайность происходившего, то сейчас откровенному безумию уже не было предела...

За завтраком она рассказывала об успехах здешнего театра и о девчонках из студии. Любимая ее ученица – Маргошенька, сейчас в отпуске, гостит у родителей на Украине. Две другие, Света и Алена, как шутливо выразилась Изольда Андреевна – «особы приближенные», часто бывают у нее. Она готовит их к поступлению в театральное училище, а они помогают ей по дому.

– Завтра девочки придут – приходи и ты, познакомьтесь, заодно и первую примерку сделаем.

Мы попрощались, и, не торопясь в общежитие, я долго гуляла по парку, а поздно ночью, вспоминая в подробностях вчерашний вечер, никак не могла понять: почему всё так происходило...

* * *

На следующий день дверь мне открыла симпатичная девушка в гимнастическом трико.

– Вы Ира? Проходите, пожалуйста, мы занимаемся.

Я прошла в комнату. Изольда Андреевна, ласково приобняв, поцеловала меня в щеку.

– Познакомьтесь, Ирочка, это Света и Алена, – они красиво присели в книксене. – Мы скоро закончим, можешь пока посмотреть.

Устроившись в кресле, я с интересом наблюдала за происходящим. Девушкам было лет по восемнадцать: Алена чуть повыше, стройная, похожая на прибалтийку, Света – темненькая, живая, с восточными чертами лица. Под четкие команды Изольды Андреевны сложные гимнастические упражнения, перемежаемые шутками и смехом, сменялись элементами танца. Было видно, что все они очень дружны.

Закончив занятие, девочки отправились в ванную, а Изольда Андреевна принесла из гардеробной платье, приготовленное к примерке. По ее просьбе я разделась и в напряженном ожидании подошла к зеркалу.

Мне хотелось, чтобы было как вчера – легко и приятно, но ощутив нескромное прикосновение, невольно дернулась, отстраняясь. Она как бы не заметила этого, но я почувствовала вину перед ней.

Платье, даже на нитках и булавках, смотрелось действительно потрясающе. Цвета морской волны, оно свободно струилось по телу, облекая его, но нигде не стесняя. «Как змея», – подумала я, разглядывая себя в зеркале.

Изольда Андреевна довольная своей работой, медленно, будто разглаживая платье, провела ладонью по спине и, задержав ее на ягодицах, повернула меня лицом к себе, глядя в глаза. Я не отстранилась, но и ощущений никаких во мне не было...

Из ванной, смеясь, вышли девчонки в одинаковых розовых халатиках и притихли, восхищенные увиденным.

– Ну, пока все, – грустно улыбнулась Изольда Андреевна, помогая мне снимать платье. – Девочки, соберите на стол – устроим себе небольшой праздник.

Через несколько минут на столе были фрукты, сладости, бутылка вина, и Света принялась орудовать штопором. Девушки расспросили меня о доме, о работе, а захмелев, стали непринужденно дурачиться друг с другом. Притворно рассерженная Изольда Андреевна отправила их отдыхать.

– Как тебе девочки? – спросила она. – Ты догадываешься, чем они сейчас занимаются? Тебе это нравится?

Я молчала, не зная, что сказать, и она взяла мою руку.

– Ирочка, прошу тебя, говори откровенно, не стесняйся...

Это помогло мне пересилить неловкость.

– Изольда Андреевна, я ничего не понимаю... Было всё по-другому... Я хочу, чтобы было так же, но не получается. Мне плохо от этого. Почему?

– Прости меня, пожалуйста. В прошлый раз я добавила в вино кое-что для раскрепощения и усиления сексуальных желаний. Поэтому ты была такою... Если тебе самой не захочется продолжения, значит – не твое, и ничего тут не поделаешь. Многократно пользоваться препаратом нельзя – это плохо кончится. Но вообще-то, милая моя, еще не вечер, – она встала, – я приму душ, а ты полюбуйся на девчонок... Появится желание, мы к ним присоединимся, а если нет – не обижуся.

С этими словами она провела меня в спальню и, усадив в кресло, вышла.

Я застыла в изумлении – спальня преобразилась... На широкой кровати, покрытой алым шелком с черными разводами, среди разбросанных подушек вишневого цвета переплелись белые девичьи тела. Солнце, пробиваясь сквозь волны золотистого тюля, преломлялось в многочисленных осколках зеркал, закрывающих часть стены и потолка, сказочно расцветивая происходящее.

«Это спектакль», – подумалось мне... Но сладкие стоны ласкающихся Светы и Алены, их откровенные позы, отраженные фрагментами в зеркалах, заставляли верить в реальность.

Я закрыла глаза, и мне безумно захотелось быть на этой кровати – не с ними, а с кем-то похожим на К.В.... Стоны усилились, а волнующее очарование исчезло, и я спокойно разглядывала заходящихся в экстазе девушек, но, сообразив, что может войти Изольда Андреевна, поднялась и вышла, тихонько прикрыв дверь.

Она стояла на пороге ванной, свежая, красивая, выжидающе глядя на меня.

– Изольда Андреевна, можно я пойду?

– Конечно, Ирочка, мы же договорились... А как там девочки?

– Красиво...

– Ну, вот и славненько, я иду к ним. Через неделю платье будет готово. Приходи...

Во вторник меня вызвали на телефонные переговоры. Сестра, волнуясь, просила срочно приехать домой: ее Ваню от военкомата отправляют за границу, и в субботу у них свадьба. С заявлением на отпуск за свой счет я побежала к директору.

В приемной Изольда Андреевна, узнав, в чем дело, заставила переписать заявление – вместо трех дней на десять, сама подписала его у директора и пожелала мне хорошего отдыха. Через час я была на автовокзале, а поздно вечером обнимала зареванную, счастливо-несчастную сестру.

На следующий день, уловив момент, когда мы остались вдвоем, мама принялась мне выговаривать.

– Нехорошо получается... Младшая сестра выходит замуж, а старшая засиделась в девках. Время-то уходит, и женихи есть хорошие. Недавно вернулся из армии Слава Бобров – такой видный парень! Как встретимся, только про тебя и спрашивает.

– Это Славик-то, как же, помню, помню... Он еще в третьем классе мой портфель таскал и всё время торчал рядом, надоедая. А когда провожали в армию, напился и на коленях торжественно объяснялся в любви. Мы так хохотали...

Мама, сердито хлопнув дверью, вышла.

Началась предсвадебная суета, а вечером появился Слава. Я не сразу узнала его, повзрослевшего и возмужавшего. Держался он с большим достоинством, даже хотелось назвать его по имени отчеству – Вячеслав Михайлович, и я сказала ему об этом. Он обиделся:

– Всегда ты надо мной смеялась, – но держаться стал свободнее.

Мы уединились в беседке, и он рассказывал про службу, на которой оставался сверхсрочно, делился планами на будущее, искренне сопереживая моим проблемам.

Свадьба прошла весело. Слава по-соседски помогал во всем, стараясь держаться ко мне поближе. Это заметили и шутливо прочили вскоре еще одну... Мне нравились его ухаживания, однако никаких чувств, кроме благодарности, я не испытывала.

В понедельник я зашла в институт за справкой и встретила однокурсника – Виталика Левина. Его и Диму Рогачева по распределению оставили в городе.

Дима – круглый отличник и серьезный, положительный парень, несмотря на то, что папа его видный партийный начальник, а Виталик – способный и успешный поклонник Эроса. Сплетничали, что Ангелина Валерьевна, заведующая кафедрой иностранных языков, – его любовница. На втором курсе он пытался и меня «закадрить», но быстро понял, что это пустая трата времени, а, по его выражению, «время – это жизнь, а жизнь – это любовь».

Он обрадовался, так как никого из наших давно не встречал, и подождал меня в вестибюле. Общаться с ним всегда было легко и просто, а улыбчивая влюбленность, которой он одаривал всех девушек, сейчас казалась мне искренней и приятной.

Мы шли, вспоминая однокурсников, и вдруг Виталик спросил:

– Ира, что с тобой случилось? Какая благодать на тебя снизошла? Ты совсем другая...

Понимая, о чем он говорит, и не зная, откуда это во мне, я смотрела на него, ощущая в своем взгляде и ласку, и обещание, и что-то похожее на коварство.

После небольшого замешательства он сообщил, что в субботу Дима отмечает свой день рождения, будут интересные люди, и мы, конечно же, приглашены...

Через день мы встретились, чтобы выбрать подарок, потом сидели в кафе, гуляли по вечернему городу, и Виталик включил все свое обаяние, стараясь очаровать меня и сблизиться. Не сразу отстраняясь от нескромных прикосновений и не уходя от щекотливых тем с эротическим уклоном, я как бы шла навстречу его намерениям, первый раз в жизни так общаясь с парнем, и это было необычно и увлекательно.

Уверенный в своих способностях, он завел разговор о друзьях-геологах, доверивших ему ключи от квартиры. Не дослушав описания ожидающего нас сказочного вечера, я поощрительно кивнула.

– До субботы, – и запрыгнула в отъезжавший автобус.

Пожилая супружеская пара, сидевшая напротив, с любопытством посматривала на меня – загадочную и мечтательную...

Чтобы не сердить маму, которой Слава очень нравился, вечерами я пила его чаем, в беседке, болтая обо всем и ни о чем. Он внимательно слушал и, принимая гостеприимство за симпатию, попытался объяснить, но я не позволила – он был мне безразличен.

На следующий вечер его долго не было, я даже выходила посмотреть, за калитку, а заметив понимающую улыбку мамы, – разозлилась и, когда Слава пришел, вела себя так, что он начал извиняться, не понимая, в чём виноват.

В субботу, как договаривались, мы встретились с Виталиком. Он держался скованно, что было на него не похоже, и я забеспокоилась. Однако в кафе, где проходил вечер, он вновь стал самим собой, обращаясь со мной нарочито вольно, словно с любовницей. Мне это не нравилось, но не уходить же было...

Я пользовалась успехом и, веселясь и флиртуя, удивлялась своей раскрепощенности. Виталик не отходил ни на шаг, умело ограждая от галантных кавалеров, да и дамы их не дремали.

Вечер переходил в ночь, отношения становились свободнее, и, заметив, как он жмурится на меня, словно кот мартовский, я заявила, что мне пора... Дима, несмотря на возражения Виталика, вызвал такси и попросил его доставить меня домой. В машине он утешился, дав волю рукам, и это оказалось настолько приятно, что не было сил противиться.

Возле дома свет фар выхватил сидевшего на скамейке Славу. Я попросила Виталика побыстрее уехать и подошла к надоедливому поклоннику.

– Мы же договорились, что ты придешь завтра проводить меня. Следишь, что ли?

Он смотрел глазами больной собаки, и, чтобы скрыть свое перевозбужденное состояние, сердито фыркнув, я ушла домой.

Утром, на вокзале, Слава выглядел таким несчастным, что я пожалела его и, прощаясь, поцеловала...

Уже на второй день после возвращения хотелось выть белугой от этой беспроектной жизни. Изольда Андреевна, к которой я забежала поблагодарить за отпуск, благосклонно выслушав меня, пригласила зайти вечером за платьем.

На примерке, глядя на себя в зеркало и слушая ее комплименты, я расплакалась... Она встревожилась.

– Что с тобой, Ирочка?

Сквозь слезы я стала жаловаться, что маяться мне здесь еще два года и, кроме как переспать, никому-то я не нужна, даже в этом платье... Изольда Андреевна утешала меня, жалея. Когда я успокоилась и рассказала про отпуск в подробностях, она, помолчав, сказала:

– Замуж тебе надо, девочка моя, пока не съехала с катушек.

– За кого, Изольда Андреевна... – опять заплакала я, ничего не поняв про катушки.

– Вот в этом я тебе не советчица – Боже упаси.

Размышляя над ее словами, я всё чаще вспоминала Славу...

* * *

Как по заказу, пришло письмо от мамы, в котором она ругала меня на чем свет стоит за то, что не вижу своего счастья, а парень сохнет и собирается уехать, куда глаза глядят, от такой несчастной любви. Было смешно представлять этого здоровяка высохшим в былинку, а вот то, что он может уехать, мне не понравилось...

Подумав, я написала маме, что тронута ее заботой о Вячеславе, только мне он ничего не говорил и не предлагал, а если так страдает, мог бы и приехать, глянуть хоть одним глазком на любимую. Письмо ушло в среду, а в субботу появился Слава, совсем не высохший, но виноватый, извиняясь, что затруднил меня своим приездом.

Что было в этом городишке замечательного, так это парк с большим озером и лодочной станцией. Мне давно хотелось покататься на лодке, но одна не решалась, поэтому, даже не раздумывая, надев купальник, потащила Славу на озеро.

Бахвальясь мускулатурой, он легко управлялся с веслами, но, когда, собираясь позагорать, я снимала сарафан, засмотрелся и забыл про них – лодка чуть не перевернулась из-за промчавшегося рядом катера.

Наплававшись вволю, мы пошли на автовокзал узнать расписание рейсов. Оказалось – последний автобус уже ушел. По смущенному виду Славы я догадалась, что он знал об этом, и с напускной серьезностью заявила:

– Придется тебе ночевать в парке на скамейке, – но вернувшись в общежитие, сжалилась и попросила комендантшу приютить запоздавшего гостя.

«Ну, тебе-то, наша отшельница, пойти навстречу можно...» – поощрительно улыбнулась она, забрала его паспорт и дала ключи от комнаты напротив моей.

Мы отдохнули и отправились на местный «бродвей», где по вечерам гуляли приличные горожане, и они, даже незнакомые, приветливо здоровались с нами. Я с удовольствием отметила про себя, что неплохо смотрюсь рядом с этим сильным, мужественным парнем. Проходя мимо ресторана, откуда призывно доносилась музыка, я приостановилась и насмешливо предложила.

– Может зайдём? У меня и деньги есть.

– Конечно, – сконфузился Слава, – я сам собирался пригласить тебя...

Расположившись за столиком и войдя в роль, я спросила:

– Интересно очень, зачем ты пожаловал? – ожидая, что он в смущении чуть ли не спрячется под стол.

Но он, глядя мне в глаза, спокойно сказал:

– Ира, я прошу тебя стать моей женой.

Тут уже я чуть не упала со стула и хотела отшутиться, но он продолжил:

– Ты согласна?

– А можно мне немножечко подумать? – я все еще пыталась шутить.

– Можно. Два часа.

– И что потом?

– Если – «нет», уеду на попутках, – он отвернулся...

В растерянности я смотрела на его волевой профиль, не зная, что сказать. Зазвучала музыка, и я предложила:

– Давай потанцуем.

С недоумением посмотрев на меня, он встал и подал руку.

Мы топтались на месте, Слава, казалось, не понимал, что происходит, но вдруг, поймав такт, красиво повел меня, кружась. Музыканты сыграли несколько мелодий, похоже, специально для нас, и мы то плавно двигались, покачиваясь, то кружились в упоении.

Я смотрела на него, не узнавая, – куда подевалось его обычное степенное достоинство, он улыбался как мальчишка, глядя на меня влюбленными глазами...

За столиком, отдышавшись, я поинтересовалась:

– Где ты так научился танцевать?

И он весело и образно рассказал, как жена замполита от нечего делать организовала в части танцевальный кружок, приглашая на занятия девчонок из городка. От желающих обучаться не было отбоя, но замполит разрешил заниматься танцами только отличникам боевой и политической подготовки.

Ясное дело – Слава был в их числе, и они выступали даже в Доме культуры гарнизона.

А закончилось всё тем, что жена замполита сбежала с лучшим танцором, москвичом, когда тот демобилизовался. Замполит, пытаясь покончить с жизнью, отстрелил себе ухо, уволился из армии и стал председателем колхоза, в который их гоняли убирать картошку.

Я слушала, оценивающе разглядывая его уже как жениха, и он мне нравился.

– Ты решила? – Слава снова был серьезен.

– Не совсем... Давай поговорим, время у нас есть.

Мы проговорили почти до утра. Выяснилось, что всё предусмотрено и предстоящие расходы на свадьбу он брал на себя. Уже светало, когда я выпроводила его, явно желающего остаться...

Днем, на автовокзале, он осмелился и обнял меня.

– Так ты согласна?

Я ответила утвердительно и пообещала приехать к следующим выходным, чтобы подать заявление в ЗАГС. Он стоял на ступеньках отъезжающего автобуса, не давая закрыться дверцам, и весь светился, улыбаясь мне... Неделя прошла как в тумане, а в пятницу вечером, уже дома, я отглаживала свое новое платье.

В субботу днем мы подали заявление, и Слава заказал в ресторане два столика, собираясь отметить помолвку. Было ощущение, что он старается проафишировать предстоящее событие, боясь, как бы я не передумала.

Все приглашенные немного знали друг друга и чувствовали себя свободно. Мое платье вызвало у девочек легкий шок и зависть, а восхищенные взгляды парней были красноречивее любых слов.

То и дело заказывая музыку и приглашая танцевать, Слава решительно пресекал попытки других даже просто полюбезничать со мной. Делалось это довольно примитивно, и я вспомнила Виталика и обходительных кавалеров на юбилей у Димы, сожалея, что невозможно хоть на минутку перенестись туда...

Через три недели, получив раньше срока полагающийся отпуск, я вернулась готовиться к свадьбе.

Справляли свадьбу как положено, с разными затеями, весело и шумно, но от ощущения чего-то несбывшегося выглядела я, наверное, не очень-то счастливой.

Веселье постепенно затихало, и про молодоженов уже почти забыли. Слава до боли сжал мою руку.

– Пойдем.

В наступающих сумерках, под напутственные возгласы и пожелания мы направились к его дому. Родители, похоже, сознательно не спешили покинуть застолье, и в полумрачной тишине комнаты призывно белела разобранная постель.

Только здесь он отпустил меня, собираясь включить свет.

– Не надо... – прошептала я.

Нервная дрожь прерывала дыхание, я судорожно вцепилась в плечи мужа. Трясущимися руками он попытался расстегнуть пуговицы свадебного платья – они не поддавались... Разрывая до пояса, он спустил его на пол, одним движением сорвал бюстгальтер и припал к груди, жадно ее лаская. Я стояла ни жива ни мертва... Он уронил меня на кровать, и, страшась этого безумия, я чувствовала, как зарываясь лицом в бедра, он раздвигает их. И уже не было ничего, кроме тяжести и боли...

Через несколько минут он затих, лежа на мне, раздавленной этой тяжестью.

Потом, утирая мои слезы, уверял, что первый раз всегда так... Прикосновения его были мне неприятны, и, свернувшись под одеялом, я тихо плакала.

Утром он не позволил убрать испачканные кровью простыни – сказал, что это должна увидеть мама.

Свадьба продолжалась, и пришлось идти к гостям, которые встретили нас двусмысленными шутками и поздравлениями. Слава был очень внимателен и нежен, но, забываясь в общем веселье, я со страхом ждала предстоящей ночи. И она наступила...

Прикрыв дверь комнаты, он в нетерпении стал раздевать меня.

– Слава, пожалуйста, не надо сегодня, – просила я.

Он ничего не слышал... и ночью опять и опять принимался за это.

Утром я взмолилась.

– Мне плохо, Слава, не надо так часто.

– Чем чаще мы будем заниматься любовью, тем быстрее тебе будет хорошо, – убежденно заявил он.

Каждую ночь и даже днем, если ему удавалось заманить меня в комнату, он делал свое дело.

Знакомые, встречая нас на улице, поздравляли с медовым месяцем, и я, ненавидя его самодовольную физиономию, вымученно улыбалась. Только свекровь, Екатерина Семеновна, о чем-то догадываясь, жалела меня. Я слышала, как, упоминая мое имя, она ругала его в своей комнате, а он раздраженно оправдывался...

Но ничего не менялось, и, когда в очередной раз, утром, он полез ко мне, я стала сопротивляться. Заламывая руки, он молча насильничал, накрыл меня, рыдающую, подушкой и вышел.

* * *

В полном отчаянии, сознавая, что так не должно быть, и не зная, как же должно, я сидела на крыльце родительского дома, жалуясь притулившейся рядом собаке на свою судьбу. Подошла мама и, как в детстве, ласково погладила по голове, успокаивая:

– Всё наладится, доченька...

Стукнув калиткой, влетела сестра – после свадьбы она жила у родителей мужа, и мы почти не виделись. Расхаживая перед крыльцом, она весело затараторила о чем-то и вдруг, умолкнув, спросила:

– Что с тобой, Ира? На тебе лица нет!

Сглатывая слезы, тихо, чтобы не слышала мама, копавшаяся на грядке, я рассказала ей обо всем. Она удивилась:

– А нам с Ваней было так хорошо... Он у меня такой ласковый и нежный, – и, оглянувшись на маму, прошептала. – Мы ведь стали спать с ним еще до свадьбы. Он пишет, что я снюсь ему каждую ночь. Слушай, – оживилась она, – у его сестры тоже были какие-то проблемы. Они с мужем ходили к сексопатологу, в этом же ЗАГСе, и у них всё наладилось... Может, вам сходить?

– Он не пойдет.

– А ты попробуй уговорить или сходи одна. Попытка – не пытка.

Поговорив с матерью, сестра ушла, а я подумала: «Действительно, если сидеть и плакать, то ничего не изменится...», – переоделась и пошла на автобусную остановку.

В ЗАГСе мне объяснили, как пройти к нужному кабинету. Врач, пожилой мужчина, предложил поделиться проблемами как можно откровеннее. Я заговорила, стыдясь и запинаясь. Видя мое смущение, он наводящими вопросами быстро все прояснил и спросил:

– Как думаете, имеете вы влияние на мужа?

– Наверное, имею, – ответила я не совсем уверенно.

– Ну, вот и прекрасно, считаю, что всё поправимо. Только я обязательно должен с ним поговорить. Сможете придти завтра?

– Постараемся...

– Хорошо, жду вас в десять часов.

Слава встретил меня в смятении.

– Ты где была? Я весь изнервничался...

– Я была у врача, сексопатолога, завтра мы пойдем к нему вместе, – я говорила спокойно и решительно.

Он опешил.

– К врачу? Сексопатологу? Что я там забыл?

Вспомнив, как он мучил меня, я выговорила со злостью:

– Сейчас я уйду домой. Если завтра в девять утра тебя не будет на остановке, я никогда не вернусь.

Вечером, выслушав наравоучения мамы, я, чтобы не наговорить лишнего, сразу ушла в свою комнату и первую ночь за полторы недели спала спокойно.

С небольшим опозданием, уверенная, что Слава уже там, я подходила к остановке. Он стоял, сумрачно разглядывая свои ботинки, и за всю дорогу мы не обмолвились ни словом.

Довольно долго проговорив с ним, доктор пригласил в кабинет и меня.

– Ирина, мы с Вячеславом договорились: ровно два месяца он будет заниматься с вами любовью строго один раз в неделю. Любовью, а не сексом, – повторил доктор, – ласково и нежно. Он обещает держать себя в руках и не обижать вас. Думаю, у него получится, потому что любит... Когда вы снова придете ко мне, мы поговорим о более интересных вещах.

Всю обратную дорогу Слава виновато поглядывал на меня, а перед своим домом, взяв за руку, тихонько потянул к калитке. Мы вошли во двор, и стоявшая на крыльце Екатерина Семеновна приветливо смотрела на нас, державшихся за руки.

На ночь он разложил кресло; торчащие из-под короткого одеяла ноги смешили... я чуть было не позвала его к себе, но одумалась. На следующий день, собрав необходимые документы, уехала оформлять увольнение, и с помощью Изольды Андреевны все прошло быстро и гладко.

По просьбе мужа я не спешила устраиваться на работу: днем помогала Екатерине Семеновне по хозяйству, а по вечерам и в выходные мы со Славой ходили в гости, в кино или все вместе сидели у телевизора.

Установки врача Слава добросовестно выполнял, хотя ограничения давались ему непросто. Он стал уговаривать меня на дополнительные эротические игры, заниматься которыми доктор якобы настоятельно ему советовал... В благодарность за его послушание я согласилась, и оказалось, что это даже приятно... Но когда в забытии пригрезилось, что со мной К.В. – ощущения усилились, я сладко застонала и, почувствовав, что Слава пытается воспользоваться моментом по-своему, вывернувшись, прекратив забаву. Обиженно сопя, он ушел в свое кресло.

Через два месяца, руководствуясь смутными соображениями и сомнениями, к сексопатологу я пошла одна. Врач, довольный, что его рекомендации выполняются, стал посвящать меня в интимные подробности половой жизни. Сначала я смущалась, но, благодаря его доброжелательности, осмелела и уже сама задавала нескромные вопросы... В конце беседы он сказал, что полноценному сексу очень мешает страх забеременеть, дал адрес специалиста по контрацепции и записал на прием мужа.

В назначенное время, проводив Славу до кабинета, я отправилась по адресу, который дал мне Борис Абрамович – так звали доктора.

Дверь открыла приветливая женщина и, выяснив, от кого я и по какому поводу, пригласила в комнату, оборудованную под гинекологический кабинет. Было страшновато, но когда она, ласково разговаривая, посмотрела на меня, я успокоилась.

После осмотра Наталья Борисовна сказала, что никаких противопоказаний нет и можно поставить спираль, лучше золотую, разъяснив все тонкости и последствия этой несложной процедуры.

Услышав, сколько это стоит, я замаялась в нерешительности... Но, когда она уточнила, что в эту сумму входят регулярные осмотры и консультации – согласилась. Дома рассказала об этом мужу, и он, услышав, что можно будет обходиться без презервативов, не стал возражать.

В дальнейшем у нас с Натальей Борисовной сложились хорошие отношения, и я могла даже по телефону получить от нее необходимую консультацию.

Слава, с подачи врача, ушел в поиски литературы эротического содержания. Находя что-то интересное, пытался просвещать меня, вовлекая в практические занятия. Я не очень-то противилась – все-таки муж, а иногда заражалась его страстью и, помня наставления сексопатолога, становилась активной участницей... Однако это давалось мне с трудом.

Накачанная «железяками», атлетическая фигура мужа должна была, наверное, вызывать у меня восхищение и желание. Но почему-то не вызывала...

Я мучилась, не понимая, что же мне нужно.

* * *

В воскресенье, гуляя по городу, мы встретили компанию во главе с Виталиком. Они направлялись во Дворец искусств на выставку местного художника и уговорили нас присоединиться. Выставка мне понравилась, особенно выразительными казались эскизы и наброски, я подолгу вглядывалась в них, чувствуя живую натуру.

Позже, в кафе, обсуждая увиденное, мы, наверное, по-дилетантски, горячо спорили... Слава чувствовал себя явно не в своей тарелке: пытаюсь что-то сказать, говорил глупости, вызывавшие общее недоумение. Мне было жаль его, и я старалась перевести разговор на другие темы, более житейские.

Расставаясь, Виталик выбрал момент и за колонной, где нас не было видно, приобнял меня чуть ниже талии – я не отстранилась...

– Позвони, – шепнул он, опуская в карман моего плаща записку.

Попрощавшись с ними, мы шли к остановке... Внезапно вернувшееся ощущение руки Виталика на моих бедрах затруднило дыхание, и, сжимая в кулаке записку, я уже точно знала, что позвоню.

Два дня, глядя на телефон, мучилась, не решаясь...

Он словно ждал моего звонка, и голос, умолявший: «В любой день, в любое время, пожалуйста...» – привел меня в смятение.

– Хорошо, завтра в тринадцать десять на остановке возле института, – не справившись с волнением, я выронила трубку.

Вечером, сказавшись больной, попросила мужа лечь отдельно: мне не хотелось ощущать его рядом. Спала очень беспокойно, то забываясь в сладком томлении, то просыпаясь в тревоге... На работе, как ни старалась, из-за накатывающей временами нервозности так и не смогла ни на чем сосредоточиться, а после обеда, с разрешения начальства, ушла.

Возле остановки, открыв дверцу притормозившего такси, меня окликнул Виталик. Плавное покачивание машины, горячая рука, тихо перебиравшая мои пальцы, лишали остатков воли и последних сомнений.

В квартире, помогая снять плащ, он мягко привлек меня к себе – я задохнулась, ощутив под его ладонями полную свою обнаженность...

– Вино, коньяк? – он подошел к мини-бару.

От волнения я не могла говорить, только глядела в глаза, отрицательно качая головой. Он бережно обнял меня и, медленно раздевая, шептал что-то ласковое... я обмирала в ожидании... Ласки становились откровеннее, губы и руки, то нежные, то грубые, принуждали к подчинению, а переплетенность горячих тел сводила с ума, и сквозь сладостную дрожь слышалось благодарно-восхищенное: «Какая ты...»

Приятно щекочущие грудь влажные теплые губы вернули меня в успокоенность полутемной комнаты.

– Когда мы встретимся? – нарушил тишину его голос.

– Не знаю... Вечерами и в выходные я не могу, а с работы не отпускают.

– Ладно, у меня есть хороший доктор – мы что-нибудь придумаем.

Прощаясь, он гладил мои волосы и так нежно целовал, что я, слабея, через силу оторвалась от него...

Через день он вручил мне врачебное направление на длительный комплекс сложных процедур по растяжке позвоночника. Начальник, внимательно прочитав его, с явным неудовольствием разрешил каждую среду после обеда уходить на лечение.

Проблемами со здоровьем я поделилась с мужем, показала направление и позволила близость только по воскресеньям, очень аккуратно.

По воскресеньям, стараясь не чувствовать его прикосновений, я грезил о Виталике... А по средам грезы превращались в реальность.

Что он делал со мной! Казалось, на моем теле не было места, которого бы он не ласкал нежно и страстно. Без стыда и запретов, в комнате с зашторенными окнами, на широкой кровати я, умирая и воскресая, отдавалась ему вся... Как он желал...

* * *

К концу второго месяца наступило легкое пресыщение. Мы уже не сплетались жадно в беспамятстве страсти, а больше дурачились и забавлялись, изобретая новые способы эротического наслаждения. Если вначале я иногда с тоской думала, что скоро всё закончится, то сейчас это воспринималось спокойно, и даже в постели, обнаженные, мы разговаривали уже не как любовники, а как хорошие друзья.

Зная Виталика, я предполагала, что он поглядывает на новые объекты, но почему-то меня это не задевало, и в душе я отпускала его, благодарная за то, что было. Наверное, и он, чувствуя что-то похожее, завел разговор о Диме, который, узнав, что мы встречаемся, завидует другу.

В институте на меня многие обращали внимание, и Дима в том числе, но в отличие от других, старавшихся реализовать намерения, он даже не пытался... Девчонок, желающих охмурить этого парня, завидного и по внешности, и по статусу, было предостаточно, но ни у кого с ним не ладилось. И я удивилась, услышав, что он уже год близко встречается с Верой – нашей однокурсницей.

Очень посредственная во всём, она никогда ни на что не претендовала, зная свое место «на галерке».

– Как это случилось? – полюбопытствовала я, но Виталик и сам был в недоумении.

По его словам, из всех, с кем он не против бы переспать, Вера не была даже последней.

Мы продолжали обсуждать эту тему, пока не прозвучало:

– Ира, а ты понимаешь, что у нас нет никаких перспектив?

Он испытующе смотрел на меня, явно не ожидая истерики и упреков, но в его взгляде промелькнула настороженность. Утопив ладони в каштановых кудрях, я притянула его к себе.

– Не беспокойся, всё хорошо...

Теплые руки опустили меня навзничь, медленно скользя по груди, животу, раздвинули бедра, и я закрыла глаза...

Ему нравилось наблюдать за тем, как я одеваюсь, натягивая сначала чулки, потом, перед большим зеркалом трусики и остальное. Зная это, я специально затягивала процесс, принимая соблазнительные позы.

Загоревшись, он опять тащил меня в постель, и, повернув голову к зеркалу, я с нарастающей приятностью видела свои покачивающиеся ноги и утонувшую между ними кудрявую шевелюру...

В очередную встречу опять зашел разговор о Диме. Чувствуя, что это неспроста, я не могла понять, к чему он клонит. И вдруг осенило – да он просто хочет подложить меня под него.

Стало обидно до слез, и я, запинаясь, спросила.

– Тебе надо, чтобы я переспала с Рогачевым?

– Ира, мне тебя очень жаль, – осушая губами слезы, он усадил меня в кресло, – я видел твоего дубоватого Славика и не понимаю, что между вами общего?

Я вскочила.

– Оставь Славика в покое, он мой муж.

– Хорошо, хорошо... – Виталик примирительно поднял руки. – Вы с ним прекрасно ладите, он очень умный: всё понимает, только сказать не может, и тебе в приличном обществе за него совсем не стыдно, а я просто ошибаюсь.

Он ехидно ухмыльнулся.

– А скажи мне, Ирочка, на первом году супружества ты завела любовника, наверное, потому, что просто ненасытная, а муж у тебя золотой и любимый? Или по другой причине?

Я сидела, сжавшись в кресле, и слезы обиды на всех и на всё застилали глаза... Он обнял меня за плечи.

– Прости, пожалуйста, я совсем не хотел тебя обидеть, я люблю тебя.

– Как же, любишь, а собираешься подложить под друга, – сбросила я с плеч его руки...

– Вы с Димой – идеальная пара, ты всегда ему нравилась, а Вера ограниченная и злобная, она его погубит. Она терпеть не может его друзей, а меня особенно.

– И ты решил, что мы прекрасно будем жить втроем, – я говорила уже спокойно.

Он рассердился.

– Ты ведь признаешь, что у нас всё заканчивается, а Дима – мой друг, и, если вы будете вместе, я никогда ничего себе не позволю.

Его возмущение вызвало у меня улыбку.

– Ой ли? А как Дима будет ко мне относиться, вытаскивая из-под тебя? Давай закончим этот бред.

Я оделась, и мы первый раз попрощались без поцелуев.

* * *

Весь вечер я была не в себе, но, заметив, что муж с тревогой посматривает на меня, почему-то не чувствовала перед ним никакой вины. Почему?

Ответы напрашивались настолько неутешительные, что не хотелось в них вдумываться...

На следующий день мои метания только усилились. Сознывая, что отношения с Виталиком закончились, я даже не расстроилась, а, подумав о Диме, разозлилась на себя: «Что, так и будешь прыгать из койки в койку?!».

И приказала себе забыть об этом.

И что же дальше... если не хочется после работы идти домой, потому что там ждет любящий муж, от общения с которым иногда просто тошнит?..

А может, Виталик прав, и с Димой у нас действительно получится...

Устав от вопросов с неясными ответами, я дозвонила до Виталика и попросила встретить меня с работы.

Он ждал, улыбчивый, ни в чем не сомневающийся, рядом стояло такси.

– Едем ко мне?

Я отрицательно покачала головой.

– Посидим где-нибудь.

Мы сидели в полупустом баре, и он, заказав что-то, выжидающе смотрел на меня. С трудом подбирая слова, я спросила:

– И как ты всё это представляешь, если я соглашусь?

Виталик с готовностью стал излагать свой план.

– Я скажу Диме, что ты, ничего не объясняя, стала избегать меня, но вчера неожиданно назначила встречу, и всё прояснилось... Оказывается, тебе всегда нравился Дима, и, завязывая наш романчик, ты рассчитывала на встречи с ним. Убедившись, что ничего не получается, рассталась со мной, но, еще на что-то надеясь, откровенно попросила меня устроить ваше свидание.

Я слушала, поражаясь, как он легко всё разводит. Профессионал...

* * *

Наступившие выходные дни показались мне сущим адом: общаться ни с кем не хотелось, но приехали родственники из района – пришлось оба дня быть на виду, со всеми вместе. Я крепилась как могла – и все-таки сорвалась, накричав на мужа. Оказавшаяся рядом Екатерина Семеновна смерила меня долгим недобрым взглядом. От этого стало еще горше и безысходней...

* * *

В понедельник, так ничего и не решив, я позвонила Виталику. Он сказал, что Дима согласен встретиться и знакомая мне квартира в нашем распоряжении. Представив эту встречу в той же комнате, на той же постели, я поняла – это невозможно, и отказалась, коротко объяснив причину.

– Не решай так категорично, созвонимся завтра, – попросил он.

Напряжение последних дней перешло в полную апатию, и я решила, что звонить никому не буду, встречаться ни с кем не буду, а вместо оставшихся двух процедур по «растяжке позвоночника» схожу в кино...

Не дождавшись звонка, Виталик поджидал меня после работы и, провожая до остановки, с воодушевлением рассказывал, как обрадовался Дима и как жаждет он свидания.

– Завтра, в тринадцать часов, он встретит тебя – в гостинице «Центральная» заказан номер «люкс».

Сил ни на эмоции, ни на слова у меня не было, и я уехала, не попрощавшись...

Дома царила напряженная тишина. Екатерина Семеновна просто не замечала меня, сверкор, стараясь разрядить обстановку, зашел к нам в комнату, но, не сказав ни слова, безнадежно махнул рукой и вышел. Слава смотрел на меня как на больную, а начиная разговор, не мог скрыть раздражения.

Это раздражение закончилось скандалом, и я ушла к родителям. Мама отнеслась к моему приходу настороженно, а когда поняла, что я собираюсь остаться, стала кричать, обвиняя в нежелании наладить семейную жизнь. Не слушая ее, я закрылась в своей комнате. Через некоторое время постучал отец и позвал ужинать. Я отказалась...

Он очень любил маму и нас с сестрой, но дома был незаметен – всем заправляла мама.

Почему-то вспомнилось, как в детстве я всё лето жила у бабушки в деревне, как ласково она разговаривала со мной, называя Ирунькой. Душили слезы, потому что бабушки нет и никто меня так не назовет. Долго копившиеся обиды прорвались рыданиями. Наревевшись, я уткнулась в мокрую подушку и забылась в тревожном сне.

* * *

Рано утром, лежа в постели, я обдумывала свою непутевую жизнь, пытаюсь понять что-то важное... И пришла к выводу, что настоящее ждало меня не здесь и связано оно лишь с одним человеком.

Вот только помнит ли он меня?..

Не завтракая, чтобы не отвлекаться на разговоры с мамой, я вышла из дома, доехала до Главпочтамта и заказала на вечер переговоры с Ленинградом. Перекусив тут же, в буфете, не спеша направилась на работу, размышляя о предстоящей встрече с Димой. Не хотелось обижать его явным пренебрежением, но и близости, конечно же, быть не могло.

В условленное время он ждал, прохаживаясь возле машины, и, ни слова не говоря, придержавая дверцу, помог мне сесть. В вестибюле гостиницы дежурная, широко улыбаясь, подала ему ключ, и мы поднялись на второй этаж.

– Тебя здесь хорошо знают, – заметила я.

– Это Виталик постарался, его везде хорошо знают.

Не сразу справившись с замком, Дима распахнул дверь, и мы вошли в двухкомнатный номер, обставленный бежево-золотистой мебелью. В гостиной, между диваном и креслами, на столике красовались фрукты, сладости и шампанское. В другой комнате широкая кровать манила накрахмаленным белоснежным бельем.

Всё это нисколько не повлияло на принятое мной решение, но, усаживаясь в кресло, я не знала, чем закончится наше свидание.

В том, как неестественно прямо он сидел, стараясь не смотреть на меня, ощущалось напряжение...

– Дима, то, что я скажу, тебе, вероятно, не понравится, но очень прошу выслушать и понять, – я говорила, чувствуя себя свободной в словах и поступках, и он смотрел с беспокойным ожиданием. – Так получилось, что я вышла замуж просто так, встречалась с Виталиком просто так, и не хочу чтобы это «просто так» продолжалось... Наверное, ты рассчитывал на другое, но я хочу просто поговорить, мне совершенно некому поплакаться.

К концу моего монолога Дима уже свободно сидел, закинув ногу на ногу, и скептически меня разглядывал.

Я замолчала, осознав, что говорить и плакаться – не о чем... Жаловаться – не на кого... Винить непонятно кого и непонятно в чем – глупо... И сменила тему.

– Дима, а как получилось, что ты встречаешься с Верой, и вроде бы серьезно?

Он растерялся, не ожидая такого вопроса, но ненадолго...

– По мнению Виталика, женщину в постели лучше тебя трудно найти, и я шел сюда для этого.

Я готова была встать и уйти, проклиная болтливых мужиков. Но мягкий тон его голоса и потерянность во взгляде остановили меня.

– В интимной жизни, – продолжал он, – у меня словно какая-то околдованность – постоянные неудачи... С твоей помощью я надеялся преодолеть их, – Дима виновато улыбнулся, – но, как обычно, мне не везет, и вместо сеанса секс-терапии у нас – час откровений. А знаешь, так даже лучше, уроки секса мне вряд ли помогут, а вот если ты расскажешь, как из девочки-недотроги ты превратилась в женщину, от которой в восторге даже многоопытный Виталик... – он замолчал, не зная как продолжить свою мысль, щадя мое самолюбие.

Возникшее во мне возмущение и желание резко ответить сменилось вдумчивой отрешенностью. Я чувствовала, что за его бесцеремонностью прячется боль и обида за себя, за меня и стремление понять какие-то стороны жизни, обычно замалчиваемые. Мне захотелось помочь ему.

– Тебе, правда, это интересно?

Он даже вперед подался.

– Очень...

И, как самой себе, подробно и откровенно, я стала рассказывать, заново проживая всё...

Он слушал, закрыв глаза и откинувшись на спинку дивана, или, пристально вглядываясь в меня, не стесняясь, задавал уточняющие вопросы на самые деликатные моменты интима. Ощущая его возбуждение, я отвечала, оставаясь при этом абсолютно спокойной.

В наступившей тишине, медленно пройдя по комнате, я остановилась возле него.

– И вот я здесь и не знаю, что делать дальше. Подскажи мне, Дима... Ты ведь умный...

– Не смогу – слишком для меня сложно, звони, как решила, своему «адмиралу», может, он что и подскажет.

В его словах не было ни капли насмешки, и я спросила:

– Ну, а для себя ты что-нибудь прояснил?

– Думаю, прояснил, а еще мне понравились твои лесбиянки. Кстати, ты спрашивала про Веру, именно с ней у меня почему-то всё хорошо.

В оставшееся время он делился своими затаенными проблемами, рассчитывая на мои советы как женщины «в какой-то мере опытной», и я, что могла, без всякого стеснения объясняла ему.

Потом, оставив Диму в глубокой задумчивости, я направилась на Главпочтамт.

* * *

Когда в ответ на мое «Алло» издалека донеслось: «Добрый вечер, Ирочка», еле уловимые знакомые интонации обрадовали меня.

После обмена дежурными фразами я собралась с духом.

– Твое предложение остается в силе? Я замужем, но считаю себя свободной и хотела бы с твоей помощью определиться в дальнейшей жизни. Ты мне поможешь?

– Постараюсь, – прозвучало после небольшой паузы. – Приезжай. Когда тебя ждать?

– В ближайшие дни, – ответила я, даже не представляя себе, как это будет.

– Хорошо, телеграфируй – встречу...

– До свидания, – растерянно вымолвила я и повесила трубку.

Выйдя на ватных ногах из кабины, я долго сидела в холле на диванчике, обдумывая дальнейшие действия.

Гнетущая домашняя атмосфера меня уже не волновала. Наскоро поужинав, я ушла к себе. Немного погодя заглянула мама и, не скрывая раздражения, сообщила.

– Пришел Слава, заходить не хочет, просит тебя выйти.

– Мне нездоровится, пусть придет завтра вечером, – напряжение, не отпускавшее с самого утра, схлынуло, и я, не раздеваясь, рухнула на кровать.

На следующий день, притворившись больной и несчастной, я пошла к начальнику и дрожащим голосом поведала ему, что, по знакомству, в ближайшие дни меня обещают положить в специализированную ленинградскую клинику. А если идти официальным путем, то надо пролечиться в местной больнице и только потом, при отсутствии положительного результата, направят на лечение в Ленинград. Упущенное время, жаловалась я, может обернуться инвалидностью, и попросила его подписать мое заявление без положенной отработки.

Было стыдно разыгрывать эту слезливую драму, но, представив обстановку, в которой пришлось бы жить целых две недели, отбросила все колебания.

Сочувственно вздыхая: «Надо же, такая молодая и такая больная», – начальник подписал заявление.

Не теряя времени, я оформила обходной лист, после обеда получила окончательный расчет и к вокзалу летела словно на крыльях. Купив билет, немедля отправила К.В. телеграмму, но внутренний тревожный холодок то и дело напоминал: всё не так хорошо и просто...

От беспокойных мыслей меня отвлекла женщина, катившая, прихрамывая, широкую детскую коляску. Высокая стройная фигура показалась знакомой, и, когда она свернула на аллею, ведущую к детскому парку, я окликнула:

– Нина!

Она оглянулась... Такая искренняя радость осветила ее лицо, что стало стыдно: я совсем о ней не вспоминала. Нина засыпала меня вопросами и, узнав о замужестве, похвалила:

– Какая ты молодчина, как хорошо, что тогда не уехала с «адмиралом». Я так боялась за тебя. Когда обзаведешься таким вот чудом? – кивнула она на щекастых двойняшек, таративших на меня голубые глазенки.

Сожалея, что не могу быть откровенной, я перевела разговор.

– Что это ты хромаешь, ушиблась?

– Да, «ушиблась» на всю жизнь...

И рассказала, как ее друг, из ревности, на вечеринке затеял ссору и несколько раз ударил ножом своего товарища. Пытаясь разнять их, она получила ранение, повредившее сухожилие.

Нина вздохнула:

– Жалко дурака, в тюрьме ему за что-то добавили срок, и теперь если выйдет, то лет через пятнадцать, а я вот так хожу... Что, сильно заметно?

– Да нет, совсем чуть-чуть, – солгала я.

– Не ври, пожалуйста. Я ведь не горюю по этому поводу. Своего будущего мужа я встретила в больнице. Он лечил меня и влюбился, и я тоже... Ирка, я такая счастливая! – от избытка чувств она порывисто обняла меня. – У нас сейчас комната в общежитии, но скоро получим квартиру. Обязательно приходи в гости, я дам тебе рабочий телефон мужа, позвони месяца через три.

Во время разговора она покачивала коляску, и две румяные рожицы, отвернувшись друг от друга, тихонько сопели во сне.

Прощаясь, мы договорились надолго не теряться...

Дома я принялась отбирать необходимые вещи, размышляя, как преподнести все это родным. Если объявить, что завтра уезжаю – меня могут элементарно не выпустить. И решила схитрить: мужу дату отъезда назову другую, в надежде, что когда он начнет действовать, будет уже поздно. А родителям напишу письмо.

Когда Слава пришел, я предложила ему присесть в кресло. Отрицательно покачав головой, он прислонился к дверному косяку и молча ждал, угрюмо глядя на меня. Стало понятно: просто сказать об отъезде не получится – произойдет нехорошее... Додумывая на ходу, я проныкновенно и убедительно изложила всё, что смогла нафантазировать:

– Слава, нам надо жить отдельно от родителей, надеюсь, ты понимаешь это. Недавно я получила письмо от подруги и созвонилась с ней. После института она уехала в Ленинград, работает на военном заводе и уже получила жилье. Она говорит, что им очень нужны специалисты моего профиля, и даже заручилась одобрением главного инженера относительно меня. – Я врала с вдохновением, сама почти уверившись во всем. – Приличная зарплата, квартира в Ленинграде – такой шанс нельзя упускать!

Я подошла к нему и, заглянув в глаза, только сейчас осознала, как он любит меня... Острая жалость стеснила грудь, мелькнула мысль: «А может, не надо?..».

Чтобы не поддаться слабости, продолжила как заведенная:

– Первое время поживу у нее, обоснуюсь и сразу напишу тебе или позвоню, и мы решим, что делать дальше.

Он глухо спросил:

– И когда ты едешь?

– Послезавтра, наверное...

Слава, как слепой, медленно провел рукой по двери и, не замечая посторонившейся мамы, вышел. Она встала в дверях, пытаясь что-то сказать... Обняв за плечи, отец, успокаивая, увел ее.

Казалось, ночь никогда не закончится. Часто просыпаясь, я с облегчением услышала, как родители собираются на работу, а когда стукнула калитка, подбежала к окну – убедиться, что они действительно ушли.

Закончив сборы, села за письмо и от жалости то ли к себе, то ли к родителям залила его слезами... Потом, чтобы не попасться на глаза Екатерине Семеновне, окольным путем отправилась на поиски такси, а сдавая багаж в камеру хранения, отметила, что постоянно озираюсь по сторонам, словно воровка.

До отправления поезда оставалось еще много времени. Коротая его, среди гуляющих по набережной я увидела знакомую фигуру с широкой коляской и поспешно свернула в переулок, избегая встречи...

Глава 4. К.В.

Получив телеграмму о переговорах, в недоумении я был недолго: издалека возник образ славной девочки в светлом платьице с полураспущенной косой. Прошло почти три года, образ этот поблек, но глуховатый волнующий голос напомнил о том единственном вечере, и я, не раздумывая, согласился принять ее.

На перроне я не сразу признал в стройной, красивой, очень молодой женщине с короткой прической ту, что была в памяти.

Она стояла возле вагона, вглядываясь в лица встречающих, и тот же распахнуто-изумленный взгляд снова, как когда-то, завожолжил меня.

Возникло ощущение: она – лучшее, что может быть в моей жизни... Доверчивая тревожность этих глаз вопрошала и обязывала, и я принял обязательства. Полностью...

– Где же твоя знаменитая коса? – заговорил я, словно мы только вчера расстались.

Она облегченно вздохнула.

– Коса давно уже была только для мамы, и в замужестве я от нее избавилась. А что, так очень плохо?

– В тебе ничего плохого быть не может. Идем.

Узнав, что она в Ленинграде впервые, я попросил водителя выбрать маршрут поинтереснее и не торопиться...

Мне понравилось, как непринужденно она ведет себя, расспрашивая об увиденном. И уже в квартире, наблюдая за ней, понял – пора уходить, иначе вместо намечающегося вечера любви получится скоротечное удовлетворение страсти. С работы я позвонил в ресторан и попросил прислать к восемнадцати часам ужин.

С этим рестораном вышла интересная история: он был в некоторой зависимости от нашей службы, и директор, стараясь угодить, поначалу присылал на обслуживание официанток, готовых на разносторонние услуги. Надо было видеть лица наших женщин, когда эти девицы принимались за дело, завоевывая симпатии. Пришлось объяснять добросовестному директору ситуацию, он всё понял, и обслуга поменялась. Однако это не понравилось некоторым дамам. Оказывается, они были не против участия красоток в последующих мероприятиях, поэтому в дальнейшем заказы делались, учитывая персональные пристрастия...

Договорившись с рестораном, я сообщил об этом Ире. Грудной, тревожащий тон ее голоса заставил меня не задерживаться ни минуты лишней.

В прихожей я вдохнул незнакомый, еле уловимый аромат. Звучала тихая музыка из французского фильма. Через широкую двустворчатую дверь в ярко освещенной гостиной был виден

стол, накрытый на две персоны, возле которого, вполоборота ко мне, оглядывая сервировку, стояла она...

У меня перехватило дыхание – такой пленяющей женской привлекательности я, наверное, не видел никогда.

Платье цвета морской волны словно струилось по ней, и под ним явно угадывались все округлости и впадинки... Когда она склонялась, поправляя приборы, оно, меняя цвет, казалось, то обнажало какую-то часть тела, то целомудренно прикрывало ее, невольно пробуждая эротическую фантазию.

Я включил свет. Ира обернулась, сделала несколько шагов навстречу и замерла в нерешительности...

За ужином слушая, но не слыша ее рассказа о неудачном замужестве, я просто смотрел на нее. Наши взгляды встретились... Всё, что так соблазнительно угадывалось под платьем, я ощутил, обнимая... и, легонько подтолкнув ее к открытой двери спальни, не спеша, наслаждаясь этой неспешностью, допил свое вино.

Четкий силуэт вырисовывался на фоне освещенного вечерними фонарями окна. Еле касаясь губами шелковых завитков ее волос, я нащупал маленький замочек скрытой молнии и обнажил узкую белую спину. Ира повела плечами, платье опало... Покачнувшись, она окончательно освободилась от него. Кроме кружевных трусиков, сквозь которые просвечивала прелестная попка, на ней ничего не осталось. Задыхаясь от наслаждения, я ласкал нежную грудь; подрагивающее, словно в ознобе, тело ее наполнялось желанием, глаза туманились... она опустилась ничком на кровать. Любуясь ею, расцвеченной бликами уличного света, я приспустил полупрозрачные кружева и медленно раздевался, изнемогая в желании прочувствовать каждую частичку открывшихся прелестей. Улавливая мои желания, она с готовностью им подчинялась, и при ее молодости, красоте и стеснительной неопытности это было так сладостно... Её особенность: в какой-то момент близости терять осознание реальности, растворяясь в действии и наслаждении, – превращала эту волшебную ночь в вечность.

Подобных «марафонов» у меня давно уже не случалось, и мы проспали до обеда, благо я предупредил на службе о более позднем своем прибытии.

Перед уходом я сказал, что скоро должна подойти Римма Степановна – домработница, с которой можно обсудить любые бытовые вопросы.

– А кем мне представиться? – смутилась Ирина.

– Дальней родственницей, – засмеялся я, – не беспокойся, она очень понятливая.

С Риммой Степановной мне повезло: года два назад она остановила меня во дворе и предложила свои услуги, объяснив, что ей невыносимо слышать, как очередная домохозяйка злословит обо мне. А муж Риммы Степановны, ходивший когда-то со мной боцманом, уверяет, что на своем веку лучшего командира и человека он не встречал. Выяснилось, что живут они в соседнем доме и работает она ночной няней в больнице. Мы договорились, и я ни разу не пожалел об этом.

После такой ночи работать не хотелось. Сократив через секретаря контакты, я расхаживал по кабинету, размышляя о будущем, связанном с Ириной.

Строить долговременные, а тем более пожизненные планы, учитывая разницу в возрасте, было глупо. Я насмотрелся, да и «пообщался» с молодыми женщинами, имеющими солидных, респектабельных мужей.

Надо сказать, иногда выяснялось, что некоторые рогиносцы знали о похождениях любимых жен и втайне даже способствовали этому. Должно быть, фантазии на тему, как пользуются его женой, – возбуждали и заводили их. Это явно не мое...

Второй вариант: жить свободно, позволяя ей всё, как и себе, – тоже не подходил. Она мне очень нравилась, и делить ее с кем-то, ловя насмешливые взгляды, не хотелось. К тому же путь этот по неопытности может завести в такие дебри, из которых бывает трудно выбраться. Предложи я подобные отношения, думаю, она бы искренне возмутилась и обиделась. «И вообще, что за мысли в отношении доверчивой прелестницы?» – одернул я себя и решил: надо договориться, допустим, года на три. На дольше загадывать не стоит, на меньше – не стоит труда. Эти годы жить в любви, согласии и доверии, потому что таков договор, а он, как известно, дороже денег. «И, может быть, на мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной»... Вот это про меня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.